Resaluca

АРХИМАГИРУС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вы никогда не задумывались о том, что привычный нам мир может таить в себе множество тайн, которые постоянно находятся от нас на расстоянии вытянутой руки? Что буквально одна тонкая грань отделяет обычную серую и скучную рутину от невообразимой, полной магии и приключений жизни? Предлагаю вам вместе с простым парнем по имени Арт узреть перед собой мир в его истинном виде.

- Resaluca
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвёртая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая

Resaluca
Архимагирус
Том первый

Глава первая

Это был один из серых осенних дней, как водится, пасмурный, и уже с утра испорченный звонкой трелью будильника, вырвавшей меня из царства Морфея в суровую реальность.

Утро понедельника — то время, когда кровать с наибольшей силой притягивает к себе, а тёплое одеяло становится неподъёмным. В такие моменты наиболее явственно слышен сладкий и вкрадчивый шёпот иллюзорного чёрта, сидящего на правом плече: «ты ведь плохо себя чувствуешь, прислушайся: в горле першит, а нос наглухо заложен; позвони начальству и скажи, что ты заболел, отдохни.»

Однако, к тому моменту не менее иллюзорный ангел на противоположном плече уже вовсю бодрствует и как всегда готов стоять грудью на страже совести и чести. Его вразумительные аргументы всякий раз заставляют меня находить в себе силы покидать уютную постель. Мой ангел не так красноречив, как его оппонент, но его доводы понятны и просты: «Ну-ка быстро поднимай свою ленивую задницу с постели и бегом собираться, деньги сами себя не заработают!»

Двадцать минут на сборы, рюкзак за спину, наушники в уши, капюшон на голову, — и вперёд, к приключениям.

Хотя, казалось бы, какие уж тут приключения: маршрут до метро давным давно доведён до автоматизма, путь до работы не меняется ни при каких обстоятельствах, а такие же запрограммированные серые единицы, так же спешащие на работу, вполне могут сверять по мне часы. Но при должной наблюдательности и капельке злорадства, можно приятно провести время в общественном транспорте. Зайдя в вагон и заняв наблюдательную позицию, я окинул беглым взглядом пассажиров.

На фоне разношёрстной, ничем непримечательной массы молодых людей, судя по всему, поголовно участвующей в конкурсе на самый нелепый и отторгающий внешний вид; хмурых бабушек с авоськами, гружёными по самое не хочу, вечно куда-то спешащих в любое время дня и ночи; уставших и осунувшихся мужчин, неустанно вбивающих железобетонный болт, особенно выделялась одна девушка в броском наряде. При взгляде на неё волей-неволей вспоминается старая-добрая детская песенка:

«…Оранжевое небо,
Оранжевое море,

Оранжевая зелень,
Оранжевый верблюд».

С единственной лишь разницей, что в данном контексте море, небо и даже бедный верблюд, к всеобщему разочарованию, были отнюдь не оранжевыми.

Всё, начиная острыми носами её полусапожек, которые очень кстати ассоциируются с копытцами, и заканчивая когтями, которые вполне могут соревноваться по длине и остроте с росомахой, было поросячьего ярко-розового цвета.

Мадам, гордо восседая с презрением на лице, то и дело угрожая проткнуть телефон насквозь своим опасным оружием, двигает по экрану мобильного кристаллы, собирая их в ряды. Поезд совершает очередную остановку, диктор объявляет станцию, и лишь в этот момент до жертвы моды доходит, что ей нужно было выйти. Наспех забросив в сумочку телефон, она вскакивает на ноги, словно её поразило электрическим током в филейную часть, и устремляется к выходу. Но не тут-то было, ведь путь к нему преграждают не только стоящие перед ней пассажиры, но и народ, уже хлынувший волной внутрь вагона. С выпученными глазами, словно подстреленная лань, она бросается к дверям, пробиваясь сквозь полчища людей, расталкивая их, со свистом пронося бритвенно острые лезвия вырвиглазно розовых ногтей мимо лиц ещё не окончательно проснувшихся граждан. «Осторожно, двери закрываются!» — доносится приговор из динамиков, автоматические двери, беспощадные и непреклонные, начинают движение. С ехидной улыбочкой я провожаю взглядом смыкающиеся створки.

«БАМ!» — двери со звучным раскатистым эхом захлопнулись прямо перед носом девушки.

«Интересно, и в кого я такой добрый?» — подумал я.

Девушка нервно озирается по сторонам, попутно зарывшись по самый локоть в чёрную дыру миниатюрной женской сумочки. Её взгляд останавливается на мне, заметив мою ухмылку, она, недовольно скривившись, выплевывает сквозь зубы:

— А ты что лыбишься?! Я и так теперь опоздаю!

— Так из игры нужно вылезать хоть иногда, тогда и остановку свою не пропустите. Будет вам уроком. — спокойно ответил я.

— Да чтоб тебе самому в игре застрять! Козел! — недовольно буркнула она в ответ, и, вновь уперевшись взглядом в телефон, принялась что-то ревностно строчить.

Вот я и получил заряд оптимизма на целый день. Как гласит

народная мудрость: «сделал пакость — на сердце радость». Но вот прокляли меня уже далеко не в первый десяток раз, даже не удивляет, вероятно, именно поэтому я и обречён постоянно попадать в какие-нибудь мелкие маловероятные неприятности. Хроническое невезение, так сказать.

Глава вторая

Добравшись до своей станции метро, я уже готов был выходить на платформу из распахнувшихся передо мной дверей, но меня внезапно одолело необъяснимое чувство нарастающей тревоги. Все было вроде бы самым обычным и не вызывало подозрений, за исключением марева в дверном проеме, как то, что исходит от асфальта во время сильной жары, сквозь которое я видел всю платформу. Помедлив пару мгновений, подталкиваемый спешащими покинуть вагон пассажирами, я решительно шагнул сквозь пелену в дверях. В одно мгновение мир вокруг опустел и словно остановился, шум и гомон, стоящий на платформе, резко стихли, пронзая уши звенящей тишиной. Вагона за спиной уже не было, как и выходящих из него вместе со мной людей, никто не толкался и не бежал мне навстречу, стремясь запрыгнуть в закрывающиеся двери, как это обычно бывает, однако мое шестое чувство ясно говорило о том, что кто-то сверлит меня в спину пристальным взглядом. Я оглянулся, но позади меня не было никого, так же как и сбоку, и спереди, на всякий случай я даже наверх взглянул, мало ли чего.

Отточенным движением, я извлек из кармана мобильный, на экране которого часы показывали полночь, сеть при этом не ловилась. Стараясь подавить нарастающую панику, я устремился на выход из метро.

Приближаясь к эскалатору, в тишине, нарушаемой лишь эхом моих шагов, я отчетливо услышал детский плач, доносящийся с поверхности. Однако, он не звучал пугающе, даже на фоне довольно гнетущей атмосферы, стоявшей в опустевшем метро. Взбежав вверх по ступеням медленно ползущего эскалатора, посреди холла я увидел маленькую девочку, лет шести, крепко прижимающую куклу к своей груди. Подойдя ближе, я разглядел девчушку получше: самая обыкновенная малютка в красном детском пальто, на голове ее красовалась вязанная красная шапочка.

Заметив меня, она успокоилась, подняла красные от слез глаза и опустила куклу вниз. Кукла показалась мне необычной, она была как две капли воды похожа на свою хозяйку, даже волосы были совсем как натуральные.

— Почему ты здесь одна? Где твои родители? — не нашёл ничего лучше спросить я.

— Они потерялись. — шмыгая носом, и вытирая рукой слезы с щёк, ответила девочка.

— Может быть, ты потерялась? Как могли потеряться

взрослые люди? — уточнил я, уже сам начиная сомневаться, а то я тут и сам, похоже, потерялся, хотя далеко не ребёнок.

— Я не зна-а-а-а-ю-ю, — залилась девочка громким плачем, и вновь крепко прижала к себе куклу.

— Тише-тише, не плачь. Расскажи, как все было? Ты помнишь, куда вы шли? — я, стараясь успокоить малышку, присел перед ней и положил руку ей на плечо.

— Мы из вагона выходили, меня толкнули, я упала… А когда встала, никого уже не было, — всхлипывая, рассказала она.

— А остальные люди, они тоже исчезли? Ты видела кого-то, кроме меня? — Попытался выведать крохи информации я.

— Никого не было, метро закрыто уже! — Ответила она, вновь намереваясь расплакаться.

— Странно это все, — подытожил я, — давай поищем твоих родителей.

Где-то над головой прозвучал, раздавшийся эхом в пустом холле метрополитена, короткий звон колокольчика. Не найдя источника звука, я взял девочку за руку, и, направился к дверям, ведущим на улицу. Вопреки мнению моей спутницы, двери не были заперты и легко отворились от легкого толчка. Выйдя на улицу, я обнаружил, что вместо противной осенней мороси на улице стоит жара. Нет пожухлой листвы, кружащейся в вальсе под ногами, ведь деревья стоят полностью зелёными, на газоне цветут цветочки, а в голубом небе ярко светит летнее солнце. На часах телефона все те же 00:00, а сеть даже не думала появляться.

В целом, мир ничем не отличался от нормального: недавно открытые ларьки пестрили вывесками и разложенным на витринах товарами, светофоры у дорог исправно сигнализировали по заложенной программе, но вокруг не было ни души. Выглядело все так, словно из мира вдруг разом убрали всех людей.

Судя по всему, я долго стоял и разглядывал пустынную площадь, потому как девочка, подёргав за штанину, вывела меня из задумчивости.

— Пойдём? — подняв на меня свои большие карие глаза, поинтересовалась она.

— Да, вот только остаётся открытым вопрос- куда? Ты помнишь, где ты живёшь?

— Вон в том доме, — она показала пальцем на многоэтажное здание через дорогу, и потянула меня в его направлении, — на втором этаже, я покажу.

Мы перешли по пешеходному переходу на противоположную сторону улицы, предусмотрительно проверив дорогу на предмет машин, взглянув сперва налево, потом направо, правда, действие

сие было абсолютно необоснованным, покуда машинами на дороге и не пахло, причём в прямом смысле этого слова: не было ни запаркованных вдоль дороги машин, ни таксистов и автобусов на остановках, воздух был чистым и свежим, без пыли, выхлопных газов и смога, словно их тут не было отродясь, хотя для чего тогда нужна дорога? Но правила — есть правила, да и ребёнку нужно подать хороший пример. Дошли до дома без происшествий и вообще какого-либо движения со стороны окружающего нас мира, только ветер гулял по деревьям и траве, нагоняя довольно зловещую атмосферу постапокалиптического города-призрака. Двери в каждый подъезд, а в нем — и в каждую квартиру были открыты, что вообще начисто не вязалось со здравым смыслом. Быстренько поднявшись на второй этаж по лестнице, мы подошли к двери, на которую указывала мне девочка. Для приличия я постучался по открытой двери, и в этот момент мир поплыл перед моими глазами, словно покрывшись мелкой рябью; дверь, как и все остальные, находившиеся в доме, одномоментно захлопнулись, оглушив меня грохотом, словно выстрелом из пушки. Я закрыл уши руками и зажмурился, но в тот же момент ощутил вибрацию телефона в кармане, которая оповестила меня о хорошем уровне сигнала, вокруг вовсю кипела жизнь: по окну тарабанил дождь, а из-за двери послышались шаги и женский взволнованный голос: «кто там?»

Ну что я мог ещё ответить? Почтальон Печкин, принёс журнал «Мурзилка»? Говорю: «я привёл вашу дочь.»

Дверь распахнулась, и передо мной предстала довольно молодая женщина в зеленом махровом халате, с кулинарной лопаткой в руках. Девчушка тут же вбежала в квартиру и вцепилась в ногу женщины с радостным воплем: «Маааама!!».

— О, Боже, Машенька! Где же ты пропадала, я так волновалась! С тобой все в порядке? Ты не ранена? Где мы тебя только не искали! — женщина принялась осматривать свою дочь, затем, убедившись в том, что с ней с все в порядке, она заслонила собой девочку, и, угрожающе направив на меня лопатку, спросила, — Этот человек тебя обижал?!

— Нет, дядя хороший! Он меня проводил. — ответила девочка. Маменька же, услышав ответ ребенка, слегка расслабилась и опустила лопатку.

— Большое вам спасибо, молодой человек. Я даже не знаю, как вас благодарить, заходите, я как раз блинов нажарила.

Я представил, как буду объяснять женщине о том, что провалился в какую-то дыру мироздания и обнаружил там ее дочь, и решил, что нужно срочно ретироваться, дабы меня не сочли наркоманом или не увезли на карете в желтый дом.

— Прощу прощения, мне на работу нужно бежать, опаздываю уже. До свидания. И ты не теряйся больше — обратился я к девочке, улыбнувшись.

Я хотел было развернуться и уйти, но девочка остановила меня, застенчиво улыбаясь, протянув мне свою куклу. Я присел перед ней, взял куклу и поблагодарил ее. Снова где-то зазвучал звон колокольчика, разве что на этот раз он был более высокий и торжественный.

Но стоило мне подняться на ноги, как перед моим носом дверь сама собой захлопнулась, а когда вновь отворилась, из неё лучами бил яркий свет, чудесный запах блинов пропал без следа, а из проёма вместо счастливой воссоединившейся семьи вышел мужчина с кейсом в руках, в чёрном деловом костюме и желтом галстуке.

Глава третья

Я стоял, пытаясь отгородиться рукой от ослепительных лучей и разглядеть странного человека в смокинге, вид у него был, мягко сказать, странноватый. Черты лица, за исключением глаз, совершенно незапоминающиеся, стоило мне только отвести от него взгляд, как они тут же ускользали из памяти и восстановить хотя бы одну деталь становилось невозможно; волосы же на всём лице, включая бороду и усы находились в постоянном движении и изменялись в длине, причёске, цвете; глаза в привычном понимании вовсе отсутствовали, на их месте зияли две прорези, из которых лучами пробивался мягкий жёлтый свет.

«Это еще что за светильник?», — усмехнулся про себя я. Видя моё замешательство, «его сиятельство» первым нарушил молчание:

— Мира и добра тебе! — торжественно поприветствовал меня он, вскинув свободную руку вверх. Вопреки моим ожиданиям, голос у его был не под стать его внешности- совершенно обычным и незаурядным, спокойным и размеренным. Я даже немного разочаровался, ведь рассчитывал хотя бы на визг младенцев, плавно перетекающий в замогильный шёпот, — я — Рухма, смотритель трёх нижних планов мироздания. О тебе мне все известно, ты можешь не представляться. Я давно наблюдаю за тобой, и, должен сказать, я впечатлен. Ты наделён редким даром- видеть то, что не открыто другим. И если, находясь на первом плане, то есть в своём мире, ты можешь лишь ощущать присутствие внеплановых существ и течений силы, то даже на втором и третьем плане, где мы находимся сейчас, ты способен не только видеть, но и полностью взаимодействовать с находящимися здесь существами и предметами!

— Это что, программа— розыгрыш? Меня снимает скрытая камера? — Рассмеялся я и помахал рукой, в которой все еще сжимал куклу, — Мам, смотри, я в телевизоре!

— Этот талисман, — он указал на куклу, в моей руке — ты получил в дар за совершенное доброе дело. Эта девочка не могла передвигаться по второму плану без посредника, все, что она могла делать, находясь здесь- это беспомощно звать на помощь, блуждая по метрополитену, в котором оказалась заточена. Я, как смотритель, не могу невозбранно забрать твою награду, поэтому предлагаю обмен. Ты отдашь мне эту куклу, а взамен я дарую тебе возможность видеть сквозь планы в твоём мире. Идёт? — он протянул руку, ладонью вверх, глядя мне прямо в глаза. Как я это понял, если вместо глаз у него были два прожектора? Меня

проняла дрожь, а по спине поползли мурашки.

Я насторожился, не похоже это на розыгрыш. Неужели он серьезно? По моему лбу предательски скатилась капля выступившего пота. Значит, я куда-то очень сильно вляпался. Не успел я получить куклу, как тут же нашлись те, кому она кровь из носа как нужна. Я осторожно ответил:

— Хорошо, в куклы я все равно не играю, но у меня есть пара вопросов. Скажи мне, Хурма…

— Рухма! — поправил он меня.

— Да- да, Рухма, а тебе-то какой прок с этой куклы? Что-то не похож ты на коллекционера. Неужели она настолько ценная, что ты готов выменять её на зрение сквозь эти ваши планы? Как я понимаю, очень немногие могут видеть, да ещё и взаимодействовать с ними с первого, то есть нижнего, так? — я взглянул на него с лёгким скептическим прищуром. — Как-то все это подозрительно.

— Ты умный парень, я сразу это понял, поэтому нет смысла утаивать информацию, ты ведь все схватываешь на лету.

— Ага, мама мне тоже говорила, что я особенный! — усмехнулся я.

— В этом талисмане содержится сила. Так как у Маши не было никого, с кем она могла бы поделиться переживаниями, эта кукла впитала в себя очень много энергии своего хозяина.

— Так, хорошо, с этим разобрались, я вижу, что ты прямо-таки сияешь от перспективы получить куклу, — съязвил я, — но почему ты готов обменяться на столь полезный навык- этого я в толк не возьму.

— У смотрителей планов есть свои правила, — вздохнул он, — за ценную вещь я должен предоставить тебе сопоставимую по ценности награду, иначе этот обмен не сможет состояться. Разумеется, я не могу позволить тебе спокойно разгуливать по своему плану со «Взглядом» наперевес, поэтому я буду следить за тобой и направлять тебя.

— Как, все время?! — встрепенулся я, — а если мне нужно будет уединиться, ну скажем, с девушкой время провести, али ванную принять?

— А ты думаешь, что я чего-то там не видел? — рассмеялся он, — если бы ты знал, чем люди занимаются, когда им гормоны в голову бьют…

— …Пусть тайна останется тайной, — прервал его я, — извращений разнообразных я и так поперевидел, и уж точно знаю, что это ещё не предел человеческой фантазии, подогреваемой похотью. Но сейчас не об этом. Меня интересует ещё одно. Как мы здесь вообще оказались? И что из себя представляют планы?

— Будет проще показать, чем объяснить на пальцах. Прошу. — он развернулся и сделал приглашающий жест в сторону раскрытой двери, откуда по-прежнему вырывались яркие лучи. Я неуверенно шагнул внутрь, он последовал за мной, закрыв за собой дверь.

Глава четвёртая

Мы очутились в коридоре обычной квартиры: у двери в стоечке стояла женская и детская обувь, на крючках висели курточки и зонтики, напротив стоял зеркальный шкаф, в котором отражался я один, правда, выглядел я как-то необычно, однако, из-за слепящих лучей я так и не смог ничего разглядеть. Из комнаты напротив входной двери исходило яркое свечение, я прикрыл глаза ладонью, пытаясь разглядеть источник света, но сделать мне это не удавалось. Видя мои тщетные попытки, Рухма коснулся моего плеча, и в это же мгновение свет резко погас. Мне понадобилось время, чтобы адаптироваться к наступившей темноте и глаза вновь смогли видеть. Лишь спустя полминуты я заметил на том же месте, откуда исходили лучи света, сидящую за столом Машу, самозабвенно уплетающую блинчики с клубничным вареньем. Перед ней суетливо крутилась по кухне её мама, то и дело поворачиваясь к дочери, расспрашивая её о том, что с ней приключилось. Я старался не шевелиться и не издать ни звука, дабы не выдать себя, ведь за проникновение со взломом в чужую квартиру грозит очень даже реальный срок. Однако, было и то, что бросилось мне в глаза сразу, но я не акцентировал на этом внимания. В зеркале теперь не отражалось ничего, кроме зонтов.

За спиной скрипнула дверь, и Рухма похлопал мне по плечу; меня дважды приглашать не надо, я быстренько выскочил из квартиры, присел на лестничные перила, скрестив руки на груди, и вопросительно уставился на своего компаньона, пытаясь подобрать вопросы поцензурнее. И даже хорошо, что он первым взял слово:

— Пока ты переваривaешь увиденное, я поясню, — начал объяснять Рухма, — планы — это уровни восприятия окружающей реальности, они накладываются один на другой слоями, на каждой новой ступени которых открывается то, что не видно на предыдущей. Первый план — это мир в котором ты живешь. С развитием науки и ростом технического прогресса в нем не осталось места магии. Мана — это незримые потоки магической энергии, которые, проходя сквозь предметы, людей и пространство, наделяют их силой и эффектами, но она совершенно несовместима с электрическим током. Поэтому на вашем плане, сплошь заполненным электроприборами, её распространение практически невозможно.

Я почесал репу, пытаясь осмыслить полученную информацию, и задумчиво изрек:

— Вот оно как… А что со вторым планом? Почему здесь до сих пор лето?

— На втором плане течение времени и жизни проходит по другим правилам. Влияние электричества снижено, поэтому Мана, распространяясь по миру, незначительно изменяет пространство: многие машины и приборы здесь не работают. Также на этом плане возможно использование положительной магии категории света, земли и воды, поэтому в большинстве случаев тут преобладает летняя тёплая погода и день длится в пять раз дольше ночи.

Он медленно и вкрадчиво доносил до меня информацию, делая короткие паузы, в такт которым я старательно кивал, делая вид, что хоть что-то понимаю. Ещё с давних школьных времён выработал эту привычку: главное, чтобы от меня поскорее отстали, а потом я и сам как-нибудь разберусь. Но пока для меня стало ясно только одно: с планом у кого-то явно нет никаких проблем.

— Я так и подумал, просто решил уточнить. А что до девочки, чего она сияла, как новогодняя елка?

— Третий план находится на границе между первым и четвёртым. Из-за предельно низкого влияния электричества на этот план, в нем возможно и допустимо применение магии любой категории, а так же возникновение полуобразов. Полуобразами называется смешение тел на первом плане с магической составляющей четвёртого. Влияет на образование полуобраза подсознание человека, его внутреннее «я», не то мнимое, которое люди из себя лепят, надевая пёстрые одежды и перенимая модели поведения у всех, кем они когда-то восторгались, а то «я», которое заложено внутри. Именно поэтому у Маши, оказавшейся на втором плане в одиночестве. пока я её не обнаружил, и не сошедшей с ума благодаря общению со своей куклой, полуобразом является сияющий солнечным светом ангел, явно намекающий на её силу воли и духа.

Он старательно рассказывал мне об устройстве мира, сперва активно жестикулируя, а затем и вовсе собирая из воздуха сгустки синеватой дымки, окутывающей его руки, которая под его чутким руководством то ярко вспыхивала пламенем, то утекала водой между пальцами. Наблюдая за его фокусами, я все так же сидел на перилах с видом ребенка, которому рассказали, что Деда-Мороза не существует.

— Ну, а четвертый план? — поинтересовался я, устраиваясь поудобнее, готовясь к очередной порции теории. Мне было даже удивительно: ну как про магию и иные уровни мироздания можно было рассказывать настолько занудно? Ощущения были такими

же, как и на лекциях: скучно, хочется спать и в голове вертится лишь один вопрос: «когда уже обед?»

— Четвёртый план представляет из себя целый мир, полностью сотканный из магии, он альтернативен твоему и существует отдельно, однако, первый и четвёртый планы неразрывно связаны между собой. — сказал он и остановился, взглянув на часы на своем запястье. Я даже чуть с поручная не упал от удивления. Моя догадка о том, что он проклят и поэтому не может общаться с людьми короткими предложениями, с треском провалилась.

— Все это, конечно, очень интересно и увлекательно, но только ты не ответил на главный вопрос, — я сурово взглянул на него, давая понять, что заговорить мне зубы и выбить меня из колеи своими светопреставлениями с огнем и водой он не сможет, — какого, собственно говоря, хрена, тут делаю я и зачем ты все это мне рассказываешь, ведь я ещё не дал тебе согласия на обмен. Если, конечно, у тебя случайно нет стирателя памяти, как у «людей в черном».

— Не дал согласия, — он повторил мою фразу и залился весёлым звонким смехом, — Прости, я совсем забыл сказать, у тебя ведь и выбора как такового нет. Ты не можешь переносить предметы, пропитанные маной, со второго и более высоких планов на первый без использования «Вуали», которую я временно на тебя наложил; избавиться от талисмана, не причинив вреда человеку, наделившему его силой, ты тоже не способен. А значит, и выбраться без моей помощи ты отсюда не сможешь. Однако, в виду того факта, что попал сюда ты именно из-за меня, то я и даю тебе эту возможность.

— Что?! — взорвался я и подскочил к нему, сжимая кулаки — то есть ты мной нагло воспользовался и теперь благородно протягиваешь полотенчико, чтобы я вытерся? Рыцарь серебряной мечты, тоже мне.

Он успокаивающе поднял руку, останавливая меня, и принялся объясняться:

— Прошу тебя, не кипятись, я все объясню. Я уже упоминал о правилах смотрителей, они не позволяют одному смотрителю собственноручно вмешиваться в дела другого, поэтому когда я обнаружил здесь Машу, застрявшую вне своего плана, я действовал импульсивно и незамедлительно. В поисках кого-то, кто смог бы помочь, взгляд упал на тебя.

Дехма — младший смотритель, во время проведения обхода, проходя сквозь планы, случайно толкнул девочку, унеся её с собой. По злому ли умыслу, или в виду своего скудоумия — неизвестно, но её он обратно на свой план не вернул. Вообще,

такие инциденты можно замять и быстро исправить, дети, да и люди в целом, частенько теряются в толпе, достаточно было перенести Машу на пару шагов, даже она сама бы и понять ничего не успела. Но я зазря рассчитывал на его добросовестность и благоразумие, поэтому проверил качество выполненной работы слишком поздно. Сейчас, когда инцидент улажен, а Дехма понёс наказание и был разжалован, нам нужен новый смотритель первых двух планов.

Я погрузился в размышления, старательно переваривая и осмысливая этот нескончаемый поток информации. На всякий случай, я решил уточнить:

— Если я все правильно понял, то твой подчиненный очень сильно залетел, тебе пришлось все срочно исправлять, прибегнув к моей помощи, и теперь ты в качестве благодарности предлагаешь мне тёплое место под твоим началом?

— В общем, да, можно и так сказать — ответил он в своей витиеватой манере изъяснения.

— Меня все устраивает, но все же меня крайне интересует одна вещь. Могу я задать вопрос? Это очень важно!

— Конечно, задавай. — ответил он, с интересом взглянув на меня.

— Всем смотрителям выдаются такие идиотские имена?

Звонкий хлопок от соприкосновения его лба с ладонью эхом разлетелся по лестничной клетке.

Глава пятая

— Ну что, давай меняться? — предложил я и протянул Рухме куклу.

Моя попытка передать её из рук в руки была встречена очередным глубоким вздохом с его стороны. Он, устало потирая переносицу, стал объяснять:

— Заключение договоров и совершение сделок за пределами первого плана невозможно вне «планового департамента», любые устные связи и обязательства могут быть безнаказанно нарушены. Запомни это раз и навсегда.

— Ты не перестаёшь меня удивлять. Я ведь не знал этого, мог бы уже забрать куклу да смыться. Мне бы все равно никто не поверил. Шутка, что ли: бизнесмен с неустойчивой внешностью и двумя фонарями вместо глаз вынуждает меня провожать маленьких ангельских девочек до дома, попутно рассказывая о планах мироздания. Да любой здравомыслящий человек, кроме наркомании, психопатии и педофилии в моем рассказе ничего другого и не увидит.

— Если бы я не был заинтересован в тебе, я бы именно так и поступил. И более того, так поступил бы абсолютно любой обитатель каждого из планов. Сила нужна всем без исключения, без неё невозможно наше существование. Но сейчас не время для разговоров. Нам нужно спешить в департамент.

После того, как я закинул куклу в рюкзак, мы спустились по лестнице и наконец покинули стены дома, в котором жила Маша. Рухма коснулся моего плеча, перенеся нас на солнечный втором план, скрывая от взора людей. Он уверенно направился по пустынной улице в сторону, противоположную от метро, ведущую к окраине города. Я шёл рядом, с интересом разглядывая окружающий мир. Все-таки есть определённый шарм в этой пустоте и тишине — Идеальный мир без людей! Почувствовав определённую свободу, я вышел на проезжую часть и вальяжной походкой пошёл прямо посредине дороги, глупо улыбаясь. Рухма же, погрузившись в свои мысли, быстро шёл по дороге, совершенно не обращая внимания на то, что я немного от него отстал. В той стороне, куда мы направлялись, кроме довольно редких жилых домов и плотно стоящих гаражей, очерчивающих границу города, не было ничего примечательного. Уперевшись в непроходимую железную стену частных гаражей, Рухма целенаправленно подошёл к одному из них, потянул на себя дверь и, пропуская меня вперёд, наставительно предупредил: «не отставай от меня ни на шаг.»

«Как вообще можно отстать от человека хотя бы на полшага в гараже два на три…», — успел было подумать я, заходя в дверной проем, — «…метра?.. Нихуво себе!» От удивления я остановился и стал с интересом осматривать место, в котором очутился. Мы стояли в самом дальнем конце длинного и довольно высокого коридора, освещаемого рядами свечей, выставленных вдоль красной ковровой дорожки. Стены были черно-красными и выполнены в виде готической кирпичной кладки. Для полноты картины не хватало только распятой жертвы на алтаре и исписанных кровью стен. Рухма абсолютно буднично и спокойно прошёл по коридору, толкнул свободной от кейса рукой огромные деревянные резные ворота и шагнул в не менее грандиозный круглый зал, я скромненько прошёл за ним. Размеры холла внушали трепет: навскидку, десятиметровые потолки уносились ввысь и скрывались в тенях, не озаряемых исполинским паникадилом, казалось, висящим в воздухе.

Осматриваясь и безостановочно вращая головой, стараясь не упустить ни одной детали интерьера, я присвистнул, нарушая кладбищенскую тишину:

— Рухма, какой крутой у тебя гараж, просторный!

Звонким эхом раздалось по залу цоканье его языка. Тяжело вздохнув, он лишь недовольно проворчал:

— И за что мне это наказание?..

От центра зала во все стороны расходились десятки лестниц, каждая из которых вела к таким же коридорам, как тот, что мы только что миновали, с единственной лишь разницей, что, видимо, для идентификации пламя свечей варьировало от обычного желто-рыжего до перламутрово-белого и серо-буро-малинового в оранжевую крапинку. Поднявшись по центральной, самой крупной и наиболее живописно украшенной лестнице, вновь пройдя по коридору, свечи в котором горели ярко-синим пламенем, мы остановились у ворот, я непонимающе взглянул на Рухму.

— Нужно подождать, нас вызовут. — пояснил он, и, не дав мне даже слова вставить, продолжил. — Пока есть немного времени, я вкратце расскажу тебе о смотрителях.

Я хихикнул: «вкратце, как же, коротенько так, минут на двадцать.» Понимая, что этот незатыкаемый фонтан знаний говорить может бесконечно, я подошёл к стенке, вымощенной из чёрного кирпича и оперся на неё спиной; на удивление, камень был тёплым. Он начал свой рассказ:

— Смотрители- это служащие планового департамента, получающие возможность видеть и проходить сквозь планы. В обязанности смотрителя входит патрулирование, выявление и

устранение нарушений правопорядка, а так же выполнение поручений и оказание помощи внеплановым существам. В качестве награды за выполнение заданий, смотритель получает силу.

— То есть, переводя на русский, ты хочешь сказать, что смотритель — это какой-то супер-мент, который следит за порядком в магическом мире? А что ещё за внеплановые существа? — уточнил я.

— Супер-мент? Так меня ещё никто не оскорблял. — покачал головой Рухма, — Суть ты уловил- это уже хорошо. О внеплановых существах стоит рассказать поподробнее. Люди, умирая, отправляются через распределяющие врата на четвёртый план и приобретают там новое тело, новую жизнь и новую цель. Как правило, они принимают форму неразумных животных, реже — форму различных демонов и нечисти, это, в основном, бывшие преступники или психопаты. Однако, бывают случаи, когда они находят бреши в плановой защите, прорываются сквозь план и учиняют беспредел в этом мире. Внеплановыми они называются потому, что, вопреки правилам, могут воздействовать на людей с третьего плана, когда как люди даже не знают о их существовании. Именно в отлове и устранении таких существ и заключается работа смотрителя.

— Устраивать тотальный геноцид разношёрстной нечисти — это же работа моей мечты! Только как с ними сражаться-то, не голыми же руками мне их гонять? — стал расспрашивать его я с горящими глазами, чуть не подпрыгивая на месте.

— Каждому смотрителю, в зависимости от его полуобраза, при посвящении выдаётся собственное оружие. В своё время я был актером, у меня всегда лежала душа к этому виду искусства, поэтому моим полуобразом является допельгангер, — он ностальгически вздохнул, а свет в его глазах слегка потускнел, что ясно сказало мне о нахлынувшей на него печали, — эх, жаль, что с карьерой не срослось…

— Кхе- кхе! — перебил его я и, обратив на себя внимание, покрутил в воздухе рукой, призывая продолжить — мы отклонились от темы. Оружие…

— Ах, да, допельгангеры не имеют постоянной формы и собственных черт, они могут принимать любой вид, становясь двойниками людей, получая их способности; Оружие моё так же меняется в зависимости от личины, поэтому в кейсе приходится носить бесформенный сгусток Маны, — пояснил он.

— Неудобно, конечно, но довольно вариативно и универсально. Ничего не скажешь, повезло тебе. А что до поручений? Неужели так часто люди по ошибке попадают на

другие планы, как это произошло с Машей?

— Гораздо чаще, чем ты думаешь. Ведь не только смотрители имеют возможность проходить сквозь планы, все те же внеплановые существа могут утягивать людей сквозь них, получая над ними больший контроль. Откуда, по-твоему в мире столько без вести пропавших людей? Не зеленые же человечки их увозят на летающих тарелках, их же не существует! — схватившись за живот, Рухма взорвался звонким смехом. Я окинул его полным скептицизма взглядом, беспокоясь, не тронулся ли мой дорогой наставник умом. Когда он наконец-то успокоился и вытёр выступившие на глаза слезы, он продолжил, — однако, стоит отметить, что далеко не все внеплановые существа обязательно злы. Добрая половина заблудших душ, не достигнувших по той или иной причине четвёртого плана, вынуждена неприкаянно скитаться в нашем мире. Поручения таких внеплановых существ твоя задача выполнять, помогая им достигнуть упокоения.

— Мне одному напоминает все это какую-то игру? Убивай нечисть и демонов, выполняй квесты, используй умения, повышай уровни… — И тут меня осенило. Ведь сопровождение Маши до дома было ничем иным, как поручением, даже в момент «взятия и сдачи квеста» происходило оповещение с иллюминацией и звуковым сопровождением. В памяти тут же всплыли слова той девицы из метро: «Да чтоб тебе самому в игре застрять!» Я взревел: «я убью эту жертву гламура, свинина недожаренная!»

Рухма вопросительно взглянул на меня, судя по всему, немножко беспокоясь не то о моем благоразумии, не то за свою шкуру. Он аккуратно поинтересовался:

— Что случилось? Ты чего такой злой?

— Да я в метро, аккурат перед нашей встречей, с одной бесноватой мадам поцапался, она свою остановку пропустила и со злости меня прокляла, сказав, чтобы я в игре застрял. — попытался объяснить ему я. — и вот я тут, ожидаю получения профессии, все как в игре.

Рухма усмехнулся и спокойно ответил:

— Я тебя понимаю, многие смотрители, не говоря уже о существах четвёртого плана, воспринимают мир как игру, и их не за что обвинять, ведь сходства действительно поразительные. А что до проклятия, расскажи об этом поподробнее? — поинтересовался Рухма, задумчиво поглаживая свою видоизменяющуюся бороду.

— Взбалмошная такая бабенка, вся в розовом, агрессивная, чуть не покусала меня и своими когтищами не порезала, как я страху натерпелся! — Я наиграно изобразил панический ужас, схватившись за лицо, изображая фигуру с картины Эдварда

Мунка.

— Без сомнения, это была ведьма. Нужно сообщить о ней, возможно, новое внеплановое существо. Я должен проверить. Спасибо за информацию. Будь здесь, когда тебя вызовут, пройди в кабинет и делай все, что тебе скажут.

Рухма быстрыми шагами удалился вниз по лестнице в конце коридора. Ждать долго не пришлось, через несколько минут двери приглашающе отворились, озарив все пространство приятным голубым светом, и властный голос изнутри кабинета скомандовал: «Входи».

Глава шестая

Не успел я зайти в помещение, как двери тут же захлопнулись за моей спиной. Я огляделся. Кабинет — это вообще очень громко сказано: самая обыкновенная пустая комната с ровными стенами, метров пять на пять, с невысоким потолком. Единственным, что в ней выделялось, была висящая в воздухе, посреди комнаты, ярко-голубая дымчатая сфера, перетекающая волнами маны.

— Здравствуйте? — неуверенно обратился я к шару, не рискуя подходить ближе.

— Мира и добра! — откликнулся голос, исходивший от сферы, который гулким эхом расходился по комнате; он накатывался волнами: сперва был громким и напористым, а затем стихал и звучал как мягкий шёпот — подойди ближе и коснись руками маны, — скомандовал он.

Преодолев терзающие меня сомнения, я сделал несколько неуверенных шагов. Чем ближе я подходил, тем более сильное воздействие я ощущал. Вибрации, исходившие от сферы, распространялись по моему телу, отзываясь щекотливыми ощущениями на макушке, заставляя волосы вставать дыбом. Я поднял руки и коснулся сферы. Их окутала синяя дымка и начала медленно струиться по телу, обволакивая его; вместе с этим, невообразимым, легонько щекочущим и покалывающим кожу, синим пламенем сжигая мою одежду, которая тут же смешивалась с маной. Во мне заиграла буря эмоций: я ощутил горькую досаду от сгоревших вещей, между прочим, это была моя любимая куртка! Но с чувством обиды смешивался и душевный подъем, как когда ты с нетерпением ожидаешь чего-то приятного. Помесь таких противоположных эмоций была крайне специфической. Все тело пробирала мелкая нервозная дрожь, как от звука соприкосновения стекла с пенопластом или ногтей со школьной доской. При этом я ощутил, что мои ноги оторвались от земли и я поднялся на уровень сферы, замерев в воздухе в неестественной позе. Я не мог пошевелиться — меня словно парализовало; единственное, что я мог делать сейчас — это дико вращать глазами, в которых отражался первобытный страх. Я проклинал Рухму, который притащил меня сюда, проклинал эту розовую бестию, и эту извращенную сферу-насильницу. Это все, что было в моих силах. Мысли беспорядочно метались в голове, словно крысы, бегущие с корабля во время крушения.

Когда дымка скрыла моё лицо, взгляд окутало приятной голубой пеленой, сияние угасло, мана хлынула прочь от моего

тела, а я опустился на холодный пол, распластавшись по нему как тюфяк. Мана, вновь собралась воедино и закрутила хоровод вокруг изрядно уменьшившейся сферы. Я, прислушиваясь к своим ощущениям, приподнялся на локтях, осматривая свое нагое тело. В нем каждой клеточкой ощущалась струящаяся внутри мощь. Я поднялся с пола и встал на своих двоих в полный рост, отметив для себя, что тело стало заметно более лёгким и подвижным. Я прикрыл срамоту руками и хотел было потребовать вернуть мою одежду, но меня опередили:

— Назови своё имя! — прогремел голос, исходивший из сферы. Сейчас он казался мне совершенно другим, он больше не вызывал чувства трепета и не пугал, а, наоборот, был родным и близким, как голос дорогого человека.

— Мое имя — Арт. — гордо отрапортовал я. Мне нравилось мое имя, и я совсем не могу себе представить другое, более подходящее. Надеюсь, они не исковеркают его своими суффиксами, не хотел бы я быть каким-нибудь там Артмой.

После моих слов сфера увеличилась в размерах, вспыхнула ярче, закружилась с немыслимой скоростью, создавая вихри волн энергии, вращающихся вокруг неё. Я перепугался и отпрыгнул к стене, вжавшись в неё, не зная, чего и ждать. Сфера же внезапно резко остановилась, и с ослепляющей вспышкой и оглушающим грохотом выстрелила столпом света в потолок. Я проморгался и протер глаза, когда зрение вернулось ко мне, я сразу обратил внимание на произошедшие изменения: моя одежда вновь была на мне, причем, была она совершенно как новая. Но вовсе не это удивило меня и приковало к себе мое внимание. Куда бы я ни глянул, на периферии зрения я видел меню, шкалы и цифры игрового интерфейса. Я, отойдя от шока, медленными осторожными шагами вернулся на прежнее место, поближе к двери, и выжидающе смотрел на сумасбродную сферу.

— Мы принимаем тебя, Арт! — торжественно объявил голос, струи энергии устремились ко мне, словно щупальца, переплетаясь между собой, от чего я вновь, как ошпаренный, отпрыгнул, не даваясь в цепкие лапы этого чудовищного существа. Но, к моему удивлению, они остановились передо мной на расстоянии вытянутой руки, сформировав бесформенный сгусток энергии, похожий на шаровую молнию, висящую в воздухе. Словно прочитав на моем недоуменно лице немой вопрос, голос ответил, — прими наш дар, это сотканное из маны оружие, соответствующее твоему полуобразу.

«А!» — радостно воскликнул я, протягивая жадные трясущиеся от вожделения ручонки к обозначенному дару — «Это многое меняет. Большое спасибо!». Вот уже из аморфной

субстанции, все крепче сплетаясь в узлы и приобретая материальность, показалась украшенная огранённым рубином на навершии золотая рукоятка, за которую я и взялся, продолжая с интересом разглядывать, как из маны образуется мощное оружие для борьбы с демонами! Сантиметр за сантиметром материя получала форму, приобретая в весе, однако, рукоять все продолжала и продолжала увеличиваться в размере, не перетекая в гарду и не переходя в клинок. Мои сладкие грёзы о разящем остром мече рассыпались в прах, когда длина ручки достигла более чем пятнадцати сантиметров. С разочарованием, ноткой отвращения и недоумения на лице я наблюдал за окончательно сформировавшимся оружием в моих руках. Торжественно зазвенев, оно вспыхнуло ярким пламенем, тепло от которого, к слову, совершенно не чувствовалось, и празднично засияло, а по правую руку, на периферии зрения, появилось окно с описанием предмета:

* <Эпическая сковорода.> Обладает колоссальным уроном и высоким показателем защиты. Зачарована стихией огня. Может быть использована в качестве дробящего оружия, щита или средства приготовления пищи. Повышает уровень навыка [кулинария]. Неразрушима. Несовместима с любым другим оружием или щитом.

Торжественная иллюминация с красочными всполохами света прекратилась; сфера, затухая, исчезла, а дверь позади меня отварилась, осветив меня тусклым светом свечей из коридора. Я, с дергающимся от нервного тика глазом, все стоял и смотрел на своё орудие, не веря глазам. Все, что я смог выдавить из себя по прошествию бесконечной минуты, было криком души в пустоту: «Да вы что, издеваетесь?!»

Глава седьмая

Немного постояв, привыкая к новым ощущениям, я взвешивал в руках злосчастную посуду. Перспектива таскаться с ней в руках постоянно, как Рухма со своим кейсом, совершенно меня не радовала, ну где вы видели устрашающего повара? Посему я стремительно скинул со спины рюкзак, и при попытке его открыть, столкнулся с непредвиденными препятствиями: застежка на молнии не поддавалась. Я покрутил его в руках, попробовал потянуть сильнее, но мои потуги не увенчались успехом. За тщетными попытками я недовольно ругался на воспротивившийся мне рюкзак: «да падла ты плюшевая, открывайся уже!» К моему удивлению, словно внемлив словам, он распахнулся и услужливо представил свою изнанку перед моим взором. Все там же, на периферии зрения, я заметил всплывшее окошко с ячейками, описывающими содержимое моего багажа:

* Термос, 1 шт. Содержит 426 мл кофе.

* Контейнер, 1 шт. Содержит 753 г еды.

«Какая точность, прямо как в аптеке!» — отметил для себя я.

* Кукла, 1 шт. Эффект неизвестен.

Незанятыми оставалась ещё пара слотов, поэтому я попытался запихнуть туда сковороду. Однако, стоило мне только разжать руку, опустив ручку, как она без следа испарилась с красивыми всполохами голубого цвета. Я попытался ухватиться за невидимую ручку, и она тут же, как по заказу, материализовалась в руках. Для закрепления материала и чистоты эксперимента, решил повторить трюк, только на этот раз провернул его в воздухе, а не в рюкзаке. К счастью, моя теория подтвердилась: оружие можно вызвать по желанию.

«Фух!», — выдохнул я, закидывая рюкзак обратно за спину, — «хотя бы не придется объяснять людям, почему я так неравнодушен к готовке». С этими мыслями я покинул кабинет и тут же столкнулся с уже поджидавшим меня снаружи Рухмой. В глаза сразу бросилась строка с именем, висевшая в воздухе, аккурат над его головой.

— Мира и добра, Арт, мои поздравления! — торжественно поприветствовал меня он, — как новые ощущения? А где твоё оружие?

— Мне его не дали, обьяснив это тем, что я и без того социально опасен, — слукавил я, уходя от ответа, — а ощущения, должен сказать, необычные. Больше всего мне интерфейс понравился, все эти подписи, менюшки и кнопочки…

— Какие ещё менюшки и кнопочки? — перебил он меня с

нескрываемым удивлением на постоянно меняющемся лице.

— Что значит «какие»? — не понял я, — перед глазами постоянно висят. У тебя вот над головой строка синяя горит:

Рухма.

<Смотрящие>

Допельгангер, ур. 26

Лицо его вытянулось, от удивления он широко раскрыл рот и выпучил глаза, отчего те засияли, словно он дальний свет включил. Он рывком подскочил ко мне, схватил меня за руку и стал трясти её, вожделенно приговаривая:

— Покажи мне! Покажи мне его!

Я отдёрнул руку, и ошарашено отшатнулся от него, прикрывая руками паховую область, — что, вот так сразу!? А цветы, а ресторан? — смущенно пробормотал я, опустив глаза в пол.

Рухма ойкнул, осмыслив сказанное, и, кажется, даже немного покраснев, попытался исправить положение:

— Ч-чего?! Ты вообще о чем? Покажи мне оружие!

— Тююю, так бы сразу и сказал! А я-то думал, чего ты такой возбужденный. — продолжил издеваться над ним я.

Я, стараясь сохранять самый серьёзный вид, который только мог, встал в боевую стойку, изображая матерого мечника, и, выдержав мхатовскую паузу, пафосно изрёк, сжимая кулак: «Явись же, оружие, вселяющее трепет в сердца врагов!»

После непродолжительного светового представления, в моей руке гордо красовалась горящая ярким пламенем золотая сковорода.

— Пффф, ва-ха-ха-ха, — взорвался смехом Рухма, схватившись за живот. Я и сам не выдержал и рассмеялся вместе с ним.

— Ладно, хватит ржать, может, она в бою хорошо себя покажет, тут сказано, что она имеет колоссальный урон и неплохую защиту… А еще на ней можно готовить без костра! — добил я контрольным в голову уже катающегося по полу смотрителя.

Вдоволь насмеявшись, он встал, разгладил руками помявшийся костюм и, посерьёзнев, начал объяснять:

— Обряд посвящения для каждого человека индивидуален, никто не знает, каким он будет и какие способности он в получит. Были люди, которые получали размашистые крылья, мощные копыта и даже подвижные хвосты. За кем-то закреплялся его полуобраз, как в моем случае, кто-то и вовсе менял пол, но ни разу ещё не происходило такого, чтобы оружие было нематериальным. Я лишь однажды слышал о чем-то подобном. И

происходило это на четвёртом плане. Кстати, именно на нем существа имеют «взгляд» уровнем выше третьего. Какой уровень у тебя, кстати?

— Я-то откуда знаю? Никто ничего не говорил, вообще весь процесс посвящения прошёл крайне немногословно. Я так толком ничего и не понял.

— Это просто, сконцентрируйся на текущей внутри тела мане, почувствуй её и произнеси название заклинания.

Я напрягся, стараясь вычленить из всех ощущений в организме, включая чувство голода и сонливости, хоть что-то отдалённо напоминающее ману, однако, никаких необычных ощущений не замечал. Под внимательным взглядом моего наставника я

представил себе большой такой, сферический глаз, ассоциирующийся у меня со взглядом, и громко произнёс: «Взгляд!»

Но ничего не произошло. Я прокрутил головой, поморгал, но изменений не заметил.

Дохлый номер, — подвёл итог я. Раз мой случай из ряда вон выходящий, то и подход должен быть нестандартным, поэтому, я начал перебирать все возможные варианты, какой-нибудь должен сработать:

— Магия! Никакой реакции. Способности! Пусто. Скиллы! Мимо. Абилки! Тоже мимо. Навыки! Да что б тебя. Умения! — перед глазами вскочило окно с иконками. — Убил!! — радостно вскрикнул я. — так-так, что тут у нас?

Умений, полученных при посвящении, было всего три, при фокусировке взгляда на каждом из них, выпадало небольшое пояснительное окошечко с лапидарным описанием:

* Шаг, Ур. 3. — Позволяет переходить с одного плана на другой, но не выше третьего.

* Взор, Ур. 1. — Позволяет видеть сквозь планы вне зависимости от местоположения.

* Взгляд (пассивный), Ур. 4. - позволяет видеть сквозь планы.

Тут же было описание моих пассивных умений, приобретённых за всю жизнь, сюда входили: кулинария, рисование, пение, плавание, слесарное, фрезерное дело, и многое-многое другое, даже красный диплом из техникума красовался в списке, не зря старался, хоть раз в жизни пригодился! Тьфу…

— А что значит «позволяет видеть сквозь планы, вне зависимости от местоположения»? — поинтересовался я у Рухмы, который все ещё стоял и пристально наблюдал за моими бегающими по воздуху глазами. Никогда не видел, чтобы человек

так искренне удивлялся столько раз подряд.

— Обычно смотрители, используя взгляд, могут видеть лишь то, что находится на текущем и более низких планах, а взор же позволяет видеть происходящее на всех трёх планах, даже находясь на самом низком. — объяснил он, с какой-то ноткой зависти. Судя по всему, ему самому был доступен только взгляд, и активный, а не пассивный, как у меня. — попробуй его активировать.

«Взор!» — произнёс я, используя умение. Мир поплыл перед глазами, наполняясь разноцветными красками, а так же множеством разнообразных звуков, нарастающих и становящихся более четкими, словно я выныривал с глубины на поверхность сквозь толщу воды.

Глава восьмая

Стоило мне моргнуть, как мир перед глазами прояснился, и передо мной предстала сюрреалистичная картина, повергшая меня в шок. Ноги подкосились и я плюхнулся на пол, с ужасом вздрагивая от каждого нового звука. На меня уставилось умопомрачительное количество различных людей и существ, толпящихся в длинном и узком коридоре; те, кто был способен, взмывали к потолку, держась в воздухе, кто на своих крыльях, кто за своих летающих питомцев, кто левитировал посредством чистой магии.

Я осмотрелся, кого здесь только не было! И люди — звери, с частично изменёнными частями тела, среди них в глаза мне сразу бросилась девушка с хвостом, большими, сильно развитыми ногами и сумкой на животе. Находясь позади толпы, она подпрыгивала до потолка, старясь разглядеть предмет всеобщего внимания. Из сумки же выглядывала мужская голова с длинной ухоженной бородой. Взглянув на меня и улыбнувшись во все 32, голова юркнула в недра сумки, бесследно исчезнув.

Были и люди — предметы, одно существо выглядело как комод с тремя выдвигающимися ящиками, причём, само оно находилось внутри, как улитка в ракушке, и при совершении каких-либо действий, ящик выдвигался и в силу вступали находящиеся в каждой секции части тела. Голова из верхнего отделения, заливаясь смехом, каталась и билась о её стенки, приговаривая: «…вот умора, это ж надо! Дайте мне посмотреть на него поближе», затем она захлопнулась, и из нижней секции полезло множество рук, которые, уперевшись в пол, приподняли комод в воздух и устремились в моем направлении.

О людях- еде я ещё долго буду вспоминать в самых ужасных кошмарах, а о различных мифических существах, будь то кентавры, сатиры, суккубы-инкубы, дриады и даже самый натуральный китайский дракон, словно змея ползущий по потолку, упоминать даже не имеет смысла.

Я поднялся и приблизился к Рухме, который смеялся, держась за живот, выронив кейс из рук. Резко успокоившись, он обратился ко мне:

— Арт, ты бы себя видел! — он скорчил на лице гримасу неподдельного ужаса и упал на пол, озираясь по сторонам, отчего толпа взорвалась новой волной хохота, а он, катаясь по полу, продолжил причитать, — Серьёзно? Ты действительно думал, что во всем департаменте только мы с тобой и в этом мире никого больше нет?

Побагровев от злости и стыда, я материализовал в руках сковородку, которую совсем легонечко опустил на голову зарвавшегося смотрителя.

Звон эхом прокатился по всему коридору, от чего вся толпа резко смолкла и замерла, наблюдая за разворачивающимся событиями.

Смокинг Рухмы, засветившись, преобразовался в кимоно, его волосы отросли и сплелись в косу, на лице зафиксировалась небольшая козлиная бородка, и даже глаза перестали светиться, превратившись в обычные человеческие. Я засомневался: его образ больше напоминал мне борца или мечника? Как бы отвечая на мой вопрос, подхватив лежащий рядом кейс, он прыжком поднялся с пола, на ходу раскрыл его и, ухватившись за услужливо подавшуюся к его руке ману, словно из ножен вытянул полуторный меч. Откинув кейс в сторону, он перехватил меч поудобнее, двумя руками, и ринулся на меня с яростным воплем, задрав его над головой. Я, делая робкие шаги, отступал назад, пытаясь утихомирить надвигающегося на меня Рухму:

— Спокойствие! А как же Мир и Добро?! — но достучаться до него я не смог, передо мной был абсолютно другой человек. Понимая, что двигаться больше некуда, ведь позади меня находилась дверь в кабинет, который я только недавно покинул, успев заметить надвигающийся на меня клинок, и всплывшее оповещение перед глазами: «удар сверху», я отпрыгнул в сторону, а вот мой оппонент, не совладав с инерцией, со свистом рассек резные узоры на двери, словно масло, и вновь двинулся в мою сторону. Я же не стоял на месте и принялся отходить вдоль по стене, не давая ему места для манёвра с длинным мечом.

Оповещения всплывали перед глазами опережая движения моего соперника. «Рубящий удар справа» только успел прочесть я, как Рухма замахнулся, нанося удар по диагонали сверху вниз, ругаясь и непрестанно наступая:

— Я тебе твою сковородку в… — *Дзынь!*, я принял удар на дно сковороды, уводя его с плеча, отчего с неё градом посыпались искры. Не теряя ни секунды, я отскочил от стены, выходя на импровизированный ринг, образованный зрителями. — запихну, ручкой наружу!

«Удар слева!» — вновь оповестил меня интерфейс.

Отведя меч, он замахнулся вновь, но уже стараясь ударить наотмашь сбоку, продолжил сыпать обсценной лексикой:

— Взор ему дали, и взгляд четвёртого уровня, я уже полгода на этом ё… — *Дон!* я плашмя ударил по мечу сверху вниз, отчего тот ушёл в пол, но Рухма, быстро восстановив равновесие, подался вперёд, стремясь проткнуть меня остриём — …посту, и

хоть бы одно умение повысили!

Понимая, что успокаиваться он не собирается, и движет им сейчас одна лишь ярость, я решил действовать. «Укол!», сообразил уже я сам, вливаясь в ритм сражения. Стараясь увернуться от колющего удара, словно матадор, пропустив «быка» мимо себя, я крутанулся, но меч вскользь прошёл по моему бедру, вызвав острую пронзительную боль. Я, вскрикнув от боли, проводил его хлёсткими ударом ребром сковороды по темечку, отчего он упал на пол лицом вниз и замер. Одежда его вновь преобразовалась в смокинг, а меч, вспыхнув ярким пламенем, обратился небольшим сферическим сгустком маны, самостоятельно подлетел к кейсу и запечатался в нем. Испарив сковороду и держась за кровоточащую рану, я подбежал к нему, перевернул, и стал проверять состояние, прильнув ухом к его груди. В коридоре воцарилось гробовое молчание, даже я сам затаил дыхание, поэтому легко разобрал стук сердца.

— Жить будет! — успокаиваясь выкрикнул я. Пропальпировав пульс на руке, я вовсе расслабился, отчего рана вновь отозвалась болью. — Когда в сознание придёт. Есть у кого-нибудь лёд, приложить к его пустой голове?

Из толпы вышла девушка, ну вылитая снежная Королева: белые, словно седые, волосы, ниспадали с её плеч, покрытых белым пушистым меховым воротником, белое пальто до колен плавно переходило в изящные не менее белые ботфорты. Над головой красовался её класс: «Маг воды, Ур. 15» Смерив меня холодным, как лёд, взглядом, она подошла к нему и коснулась его головы рукой, укутав её снежной шапкой.

Следом за ней ко мне подбежала миниатюрная девушка в зеленом платьице и с расправленным прозрачными, как у стрекозы, крылышками за спиной, которые трепыхались на каждом шагу. Как гласила информация о ней, она являлась друидом, Ур. 19. Решительно отдернув мою руку от раны и коснувшись её своими ручками, она стала зачитывать заклинание на незнакомом мне языке. Их окутало сияние, и рана прямо на глазах стала затягиваться, кровь втягиваться обратно, а боль постепенно затухать.

— Большое спасибо, так гораздо лучше! — поблагодарил я девушку и улыбнулся ей.

Покраснев, она отвернулась и направилась сквозь толпу к выходу, бурча себе под нос:

— Не за что, дурак! Нашёл с кем затеять драку! Хорошо хоть жив остался!

Я проводил её взглядом, пожалев, что даже не узнал имени. Милая девчушка. Мне же полагается напарница, так ведь?

Толпа разбрелась кто куда, и лишь снежная королева осталась сидеть рядом с Рухмой, наблюдая за его состоянием. Решив, что лучше сейчас будет не попадаться ему на глаза, я, достав из рюкзака куклу, положил её рядом с ним, после чего направился на выход из департамента.

Глава девятая

Выйдя в холл, я ощутил бьющую ключом жизнь: люди и магические существа метались кто куда, стоял гомон, и если бы не их внешний вид, я бы решил, что очнулся в метро, откуда и начал своё путешествие.

С интересом рассматривая проходящих мимо существ, я дошёл до середины зала, где сейчас за стойкой сидела девушка и ловко сортировала бумаги своими шестью руками. Так как спросить мне все равно было некого, я решил узнать у неё:

— Доброго времени суток, — начал я официально, девушка вопросительно на меня взглянула, даже ни на секунду не перестав заниматься своей рутинной работой, — Я только что прошёл посвящение и хотел бы понять, что вообще должен делать?

Она, без каких либо эмоций, сухо, словно ей задают этот вопрос ежедневно, проговорила заученную фразу:

— В обязанности смотрителя входит зачистка планов от враждебных внеплановых существ, а так же помощь нуждающимся, имеющим для вас поручения. Весь инструктаж вы можете получить у своего наставника. Назовите его имя.

— Рухма, — спокойно ответил я.

Её рука метнулась к папке с файлами; быстро пролистав страницы, она, уточнив данные в личном деле, спросила:

— Вы ничего не путаете? Может быть, Мухра?

— Ошибки быть не может. Допельгангер- Рухма. Занудный такой, до омерзения, с кейсом в руках. — стал описывать я его во всех подробностях, не забыв так же упомянуть о светящихся прожекторах в глазах и придурковатом юморе.

— И правда, — засмеялась девушка, наконец оторвавшись от перекладывания и перелистывания бумажек. — Такого ни с кем не спутаешь. Но вот что странно, он ведь никогда раньше не брал себе учеников.

— Я не знал этого. Не довелось нам побеседовать за жизнь. Все как-то времени не хватало, — объяснил я девушке, и решил поинтересоваться, — а причина неизвестна?

— Я слышала, что он зарезал своего наставника, после чего занял его место, и на почве разросшейся паранойи боялся брать себе учеников, дабы его не постигла та же участь. — заговорщическим шепотом поведала мне она, а затем, сменив тон на будничный, протараторила в своей привычной манере, указав нижней правой рукой на доску, занимающую всю стену позади меня, — на стенде информации можно посмотреть доступные для

вашего уровня поручения. Перед уходом ознакомьтесь.

— Везёт как утопленнику, — подытожил я, — почему-то я даже не удивлён, что мне в наставники достался съехавший с катушек психопат. Но разве его не должны были посадить? И как вообще так вышло, что он занял место своего наставника, а не был вовсе уволен?

Одной из своих ловких рук она извлекла из очередной папочки лист бумаги и положила его передо мной для ознакомления.

Я бегло просмотрел текст, из которого вынес следующее: обвинявшийся в убийстве наставника был признан невиновным. Основывая свой вывод на добытых доказательств, включая заключение экспертов, проведших на предварительном следствии комплексную психолого-психиатрическую экспертизу, Суд установил, что подсудимый нанёс напавшему на него Велину более 30 ударов ножом в состоянии необходимой самообороны на высоте аффекта.

Стоило мне дочитать, как рука девушки, схватив лист, как опытный шулер, смешала его с остальными бумажками, танцующими под её чутким руководством свой непонятный танец.

Отметив для себя доброту девушки, я поблагодарил ее и улыбнулся на прощанье, пообещав шоколадку. Надо будет не забыть принести её в следующий мой визит.

Напоследок я заглянул на стенд, пестрящий сияющими пергаментами, на которых были указаны координаты нуждающихся в помощи или обнаруженных потенциально опасных внеплановых существ. Глаза разбегались от обилия цветов и данных. Поэтому я выбрал самый маленький из них, скорее походивший на стикер- напоминалку, отчего тот, вспыхнув синем пламенем, исчез, а на периферии зрения появилась стрелка, указывающая направление. Доверившись фортуне, я, как всегда, решил, что как-нибудь разберусь по ходу дела. Хотя в последнее время фортуна ко мне неблагосклонна. А если точнее, то с её филейной частью мы, можно сказать, стали уже закадычными друзьями.

С этими мыслями я покинул стены департамента, выйдя на знакомую улицу через дверь одного из сотен гаражей. Однако, знакомой она показалась мне лишь на первый взгляд. Представшая передо мной реальность разительно отличалась от привычной нормальной. На некогда пустынной улочке было оживленное движение, всюду ходили, бегали, ползали и летали всевозможные существа, и странными на их фоне казались редкие люди в незаурядной одежде, спешащие по своим делам. Не успел

я даже шагу ступить, как меня попросили подвинуться и не загораживать проход. Извинившись, я пошагал в сторону работы.

«Кстати, надо бы посмотреть, сколько время натикало.» — промелькнула здравая мысль в моей голове. Я достал телефон, который по обыкновению не отображал время, лишь увидев это, я сообразил, что нахожусь сейчас на 2 плане. «Ух! С этими планами столько мороки, нужно будет на досуге разобраться с их устройством» — сделав себе пометочку на будущее, я использовал умение: «шаг!». Шагнув сквозь полупрозрачную пелену плана, я оказался под небом, полным чугунных туч, грозивших разразиться дождём и обрушиться на жителей мегаполиса всей своей устрашающее мощью. Добрая половина страхолюдных существ оказалась вполне обычными людьми, однако, подписи над их головами никуда не делись. Я стремительным шагом добрался до места работы и шагнул на территорию завода.

Миновав проходную и переодевшись, я вошел в цех, на удивление вовремя, ведь время на втором плане идёт в пять раз медленнее. Лениво потягиваясь, сотрудники вяло начинали рабочий день с кружки растворимой дряни, которую, по всей видимости, добывают в шахтах, но по какому-то глупому недоразумению гордо именуют «растворимым кофе», я же к этому моменту успел давным-давно проснуться, поэтому был встречен неоднозначными взглядами со стороны коллег. Но не только моя излишняя бодрость притягивала взгляды, а ещё и придурковатая улыбка на лице, которую я никак не мог подавить. Один из них, даже подавился, делая очередной глоток, и недоуменно крикнул: «Да ну нах! Ты чо, улыбаться умеешь?!» Да, я вообще довольно скуп на эмоции, особенно в окружении малоприятных мне людей, но сейчас я с огромным трудом сдерживал подступающие смешки, а все потому, что я видел их полуобразы благодаря применённому «взору». Не все ими обладали. Как я понял, они присваиваются человеку тогда, когда его характер полностью формируется и закрепляется за ним. Но те, что были видны, наиболее ярко отражали этих людей.

Например, здоровый шкафообразный, но крайне добродушный слесарь мало чем отличался от своего настоящего образа, разве что сейчас он предстал передо мной в виде чуть большего по размерам огра в набедренной повязке и с разводным ключом в руках. Выражение лица и небритость сохранились на его лице и крайне гармонично вписались в его новое амплуа. Он, почесав затылок ключом, протянул мне свободную лапищу и кивнул в знак приветствия. Пожав руку, я постарался проскочить на свой участок, миновав начальника, но тот, словно поджидая меня, выскочил из кабинета, находившегося по пути, и с цоканьем

приблизился ко мне. Сатир, Ур 17. - гласила подпись, нависшая над его рогами. Я стиснул зубы и протянул ему руку, стараясь игнорировать его копытца и рога, а так же пережёвывающий собственный галстук рот. Абстрагируясь от внешнего мира, я повторял про себя как мантру: «не ржать, не ржать, не ржать!» Немыслимых усилий мне стоило сдержаться, а он, отпуская мою руку, все так же внимательно наблюдая за мной, успокаивающе сказал: «да не напрягайся ты так, не укушу же я тебя!», и засмеялся. Я похихикал вместе с ним и шмыгнул в дверь своего участка, быстро захлопнув её за собой, и лишь после этого смог расслабленно выдохнуть.

Глава десятая

Наконец успокоившись и стерев со своего лица ухмылку, я принялся за работу. Хорошо, что в небольшом закутке за ширмой работаю я один, потому как целый день наблюдать за ограми, сатирами и прочими мифическими существами я не готов, моя психика мне дорога как память. Первым делом, осмотрев рабочее место, я не мог не обратить внимание на то, что многие привычные мне инструменты поблескивая мерцают синими огоньками. Сконцентрировав взгляд на них, я увидел подробную информацию, всплывшую на периферии зрения, она гласила буквально следующее:

* <Слесарный молоток.> ударный инструмент. Имеет средний показатель дробящего урона, повышает навык [слесарного дела].

* <Шлицевая отвёртка.> ручной слесарный инструмент для отвинчивания и завинчивания резьбовых соединений. Имеет высокий показатель колющего урона.

«Интересная интерпретация». - подумал я. Любой предмет, который попадался мне на глаза, можно было использовать в качестве оружия, даже ножовку по металлу мне было предложено использовать как оружие со средним режущим, не говоря уже о дисковых фрезах, которые имели уже высокий показатель метательного урона.

Так, внимательно осматривая каждый попадавший мне под руку предмет, за работой я и не заметил, как пролетело время до обеда. Взяв в руки метлу, чтобы прибрать стружку вокруг станка, я засмеялся, увидев её описание:

* <Метла.> хозяйственней инструмент для подметания. Может быть использован в качестве летающего средства передвижения классом «Ведьма», «Колдун» и «Маг».

В этот момент ко мне заглянул знакомый сварщик, который застал меня смеющимся за подметанием пола.

— Что ты все ржешь-то? Ты что, накурился? Вон глаза красные. — стал допытывать он меня.

— Вот скажи мне, ты когда-нибудь задумывался о том, что было бы, если бы наша жизнь стала онлайн-игрой? — уже серьёзно спросил я его.

— Точно накурился! Уже на философию потянуло. Сходи похавай- отпустит. — засмеявшись сказал он, удаляясь в сторону умывальника.

— Да, вообще-то действительно хорошая идея, с утра во рту ни крошки не было. — отбросив метлу, последовал я за ним.

Столовой на нашем предприятии не предусмотрено, поэтому питается каждый тем, что приносит с собой, разогревая еду в микроволновке. Шёпотом, чтобы никто не уличил меня ещё и в общении с рюкзаком, я повелел ему открыться и извлёк свой обед. Налив себе в чашку кофе, вдыхая прекрасный аромат ещё горячего эспрессо, я открыл контейнер с пастой карбонара с гуанчиале под сырно-чесночным соусом, что приготовил на выходных, и, с предвкушением отправил его в печь. Пока еда подогревалась, я осмотрел уже во всю жующих сотрудников: кто давился лапшой быстрого приготовления, в простонародье называемой «прощай, желудок», кто жевал уже подсохшие пельмени, обильно залив их майонезом и кетчупом «лечо».

«Б-р-р!» — меня передернуло от отвращения.

Решив не портить себе аппетит, я сконцентрировался на своих мыслях.

Нерешенным оставался один вопрос, который мучил меня до сих самых пор: Почему, собственно, сковородка? Я ведь фрезеровщик на металлообрабатывающем заводе! Может, ошибка какая закралась?

Из задумчивости меня вывел вопрос слесаря, вставшего за мной в очередь на разогрев:

— Ну что, Арт, какие кулинарные изыски у тебя сегодня? — с улыбкой спросил меня он, протягивая руку.

— Привет, да ничего необычного, просто спагетти карбонара. — спокойно ответил я, пожав ему краба.

— И правда, в сравнение с пятничным блюдом не идёт. Как оно называлось? Беспошмяк? — чуть не сломал себе язык он.

— Бешбармак, — поправил его я. — это тюркское мясное блюдо, там кроме пары хитростей и трудностей — то никаких нет! — недоумевал я.

— Я вообще удивляюсь, как ты все это готовишь. Ладно хоть сегодня макарон с колбаской себе сделал, как нормальный человек. — Заглянул он через плечо в мой контейнер.

— Макароны с колбаской?! Это моя-то карбонара?! — встрепенулся я, и, покачав головой, возмущённо подытожил, — Дикари!

Плотно отобедав, я вернулся к работе, попутно пытаясь управлять интерфейсом. Все же мне теперь с ним нужно как-то жить. Мысленно концентрируясь на определённых пунктах меню, я смог достичь взаимодействия с ними. Проговорив про себя определённый пункт, которого не было среди тех, что находились перед глазами всегда, появлялись нужные мне окна.

Вызвав подробную характеристику о себе, я наконец-то выяснил свой уровень и класс:

* Арт, <Смотрящие>, Архимагирус, Ур. 21.?

«Ух ты! Архимагирус! Да ещё и двадцать первого уровня! Круто! А что это?… Звучит как архимаг. Только магии мне не дали… Нужно будет обязательно выяснить. Так, а что это за вопросик?» — размышлял я про себя, разглядывая всплывшее окошко.

Чуть не просверлив взглядом знак вопроса насквозь, я все же понял, как с ним взаимодействовать: нужно представить себе, что ты на него нажимаешь, будто на иконку на сенсорном экране, кстати, вместо того, чтобы произносить вслух заклинания и взаимодействовать с тем же рюкзаком, можно так же сконцентрироваться на действии. Очень удобно, стоит лишь привыкнуть.

Прочитав дополнительную информацию, я разобрался в системе уровней: начальный уровень формируется в момент посвящения, представляя из себя совокупность всех имеющихся знаний и умений, у простых же людей он появляется в момент получения полуобраза, так же основываясь на его уровне развития. Повысить его в дальнейшем можно, развивая свои навыки и увеличивая багаж знаний. Для смотрителей же возможно поглощение маны.

Честно говоря, после прочтения справки, остаётся больше вопросов, чем ответов.

В целом система управления интерфейсом довольно простая и интуитивно понятная, и к тому же — гибкая. Я переместил показатели здоровья и имевшейся в запасе маны в левый нижний угол периферии зрения, над ними закрепил часто используемые умения, вроде «шага» и «взора», с правой же стороны оставил все редко используемые кнопочки и менюшки. Тут даже чат имелся, в котором записывались все диалоги и системные сообщения о получении навыка, урона и опыта. Его я скрыл, чтобы не мозолил глаза.

Я даже не успел заметить, как день пролетел и пора было уже возвращаться домой. Умывшись и переодевшись, я вышел на улицу, намереваясь добраться до дома и плюхнуться в уютную мягкую постель. Чтобы не мокнуть под дождём, я, использовав «шаг», прошёл сквозь тонкую полупрозрачную грань планов.

Однако, мои надежды на спокойный вечер вдребезги разбились о суровую реальность. Стоило мне покинуть территорию завода, как стрелка, указывающая на заблудшее внеплановое существо, покраснела и угрожающе замигала, сообщая, что цель находится поблизости.

Глава одиннадцатая

Следуя указаниям стрелки, петляя по небольшим пустынным улочкам и дворам жилых домов спального района, спустя примерно километр пешего пути, я вышел на небольшой отшиб, находящийся рядом со стройкой. Он представлял из себя небольшой пригорок, с которого дети зимой катаются на санках, но сейчас он был сплошь покрыт различным строительным мусором: тут и там валялись обломки гипсокартона, битые бетонные плиты и кирпичи, из всех щелей опасно торчали, ощетинившись, словно ёж, арматура и обрезки металла, а так же прочие радости, сопутствующие строительству. Венчал эту гору хлама, как вишенка на торте, находящийся на её вершине небольшой зелёный ушастый гоблин, который извлекал что-то из-под обломков и складировал в поясную торбу.

Он не замечал меня, видно, приняв за обычного прохожего, и до последнего не подозревал о том, что я его вижу. Ну, или по крайней мере хотел, чтобы я так думал. Я, стараясь не пялиться на него, и смотреть, словно сквозь, стал взбираться по этой помойке в его направлении, внимательно изучая находившийся здесь хлам. Ничего примечательного на первый взгляд я не увидел, но стоило мне наклониться чуть ниже, как я заметил слабое голубоватое свечение небольших бесформенных сгустков маны, напоминающих крупную цементную крошку. Подойдя к нему на расстояние вытянутой руки, оказавшись к нему вполоборота, я выжидал момент, чтобы вырубить его неожиданным ударом по голове.

Он наклонился за очередным камешком, и я, мгновенно материализовав сковороду, нанёс удар сверху вниз, целясь точно в голову.

Гоблин, подёргав ушами, с невообразимой скоростью шмыгнул в сторону, уходя из-под удара, и бросился на утёк в сторону стройки, я рванул за ним, стараясь не выпускать его из поля зрения. Он, то быстро перебирал своими зелёными ножками по обломкам кирпичей, казалось, даже не замечая неровностей, то спрыгивал и съезжал на заднице по лежащим крупным наклонным плитам, ничуть не сбавляя скорости. Я же, громко сквернословя, пробирался сквозь завалы, чуть не переломав себе все ноги. Юркнув в щель отогнутого строительного забора, гоблин скрылся из виду, я, согнувшись в три погибели, пробрался вслед за ним. Хорошо, что в интерфейсе присутствует стрелка направления, без неё я бы никогда его не нашёл.

Стройка началась относительно недавно; судя по плану,

висевшему при входе, дом будет двенадцатиэтажным, да ещё и с подземной парковкой, все по последнему слову техники, даже живописный скверик обещали на месте текущей помойки устроить, но на данный момент отстроено было всего четыре этажа, а скверик находился в упадочном состоянии. По периметру стояли экскаваторы, подъёмные краны, грузовики с песком и щебнем. Здесь же лежали стройматериалы, различные трубы и монтажные инструменты. Смена, видимо, окончилась и на стройке сейчас была лишь пара охранников, мирно сидящих в будке, даже не подозревающих о происходящем на втором плане.

Доверившись стрелке, я шагнул в дверь, ведущую на подземную парковку и насторожился. Атмосфера здесь была самая что ни на есть зловещая: тени от тусклого света свечей где-то в глубине темного помещения танцевали на стенах свой устрашающий танец под лёгкими всполохами ветра; сам же ветер устрашающе завывал, пробирая до дрожи. Я осторожно ступал по темному полу, стараясь оставаться незамеченным. Пройдя по коротенькому коридору, я попал на самую обычную парковку, подпираемую столбами, даже разметку уже успели нанести, и поставить парочку машин, видимо, принадлежащих охране.

Перед моим взором предстала довольно экстравагантная картина: Гоблин находился в центре выложенной из собранных сгустков маны пентаграммы, пол был сплошь уставлен свечами, сливающимися в едином пламени. Он стоял на коленях и что-то бормотал себе под нос на непонятном языке, отчего дым от свечей вихрем собирался над ним. Понимая, что в данном вопросе будет лучше не медлить, я кинулся к нему, раскидывая свечи на пути и разрушая старательно выложенные руны пентаграммы. Гоблин, подняв голову, явно нецензурно выразился в мой адрес и, вознеся руки к скопившемуся над ним дыму, произнёс последние слова заклинания, отчего дым потянулся к нему, окутывая его руки.

По мере того, как дым касался его тела, прямо на глазах низкорослый гоблин стал увеличиваться в размере, его конечности вытягивались, мышцы вздувались, окрас его становился более темным, а лицо — свирепым. В руках материализовалась огромная шипованная дубина, которой недовольный недотролль-перегоблин указал в моем направлении и пару раз ударил по асфальтированному полу парковки, оставляя в нем довольно внушительные вмятины.

Я резко остановился, развернулся и бросился в противоположном направлении, совершенно не желая вступать в сражение с этим монструозным созданием. Гоблин же в несколько прыжков сократил расстояние между нами и нанес

сокрушительный удар сбоку, однако, видимо, не приноровившись к новому телу, он не соразмерил свой замах и задел одну из колонн, поддерживающих потолок. Меня чудом не зацепило шрапнелью летящих раздробленных камней. Я нервно сглотнул, не намереваясь останавливаться. «Одного такого удара хватит, чтобы переломать мне все кости. Значит, нельзя давать ему место для замаха» — смекнул я и юркнул в дверь на лестницу, ведущую к жилым помещениям дома. Гоблин преследовал меня, угрожающе махая своей дубиной, но пока любые его удары, нанесенные сверху-вниз, приносили вред лишь ему самому: лестница рушилась и становилась все менее устойчивой, от нее откалывались ступени и поручни, с диким стуком и скрежетом падая вниз, эхом разносившись по всему дому. От очередного удара часть лестничного марша, на котором я находился сейчас, откололась и упала вниз, отрезав меня от гоблина. Он подпрыгнул, вцепившись одной рукой за оставшуюся площадку, но я, тут же развернувшись, ударил ему по пальцам сковородой, отчего тот разжал хватку и с диким рёвом упал на этаж ниже. Лишнее время на раздумья пойдет мне только на пользу.

Добежав до четвертого этажа, я остановился и осмотрелся, переводя дух. В глаза мне бросилось серьезное нарушение техники безопасности, которым я и решил воспользоваться: на краю очередной комнаты подъемным краном за стропы, переброшенные через углы, была подцеплена бетонная плита, судя по всему, в будущем являющаяся частью еще не установленной стены. Она наполовину свисала с края дома, угрожающе накренившись.

В это время гоблин все же вскарабкался по лестнице вверх и устремился ко мне. К этому моменту я занял нужную мне позицию, у стены, и ожидал выпада врага. Колени мои тряслись от напряжения. Гоблин, занеся дубину над головой, бежал на меня. В тот момент, когда он был уже на расстоянии удара, я отпрыгнул в сторону и перекатился по полу. Моментально сгруппировавшись, я обернулся и ринулся на своего врага, который, не успев остановиться, оказался на не закрепленной плите. Перейдя в наступление, я наносил размашистые удары сковородкой, от которых он закрывался дубиной, шагая назад. Почувствовав, что центр тяжести сместился и плита под моими ногами начинает легонько приподниматься, я схватил свое оружие двумя руками, замахнулся и с силой ударил по выставленной для обороны дубине, от чего гоблин потерял равновесие и упал на задницу. Я же, сделав шаг назад, спрыгнул с уже начавшей движение плиты.

Край, висевший в воздухе, под весом гоблина опустился

ниже, отчего плита поехала и соскользнула с опоры. Он покатился и упал вниз, а вслед за ним и плита, перевернувшаяся на стропах. Он крайне неудачно приземлился на спину, и в его распахнутых глазах, которые я успел запечатлеть, читался первобытный ужас от стремительно надвигавшейся на него плиты. Она приземлилась ребром прямо ему на голову, размозжив его череп, а затем, покачнувшись, накрыла и остальное его тело с отчетливым хрустом костей. Я быстро отпрянул от края дома. Сердце бешено колотилось, отдаваясь пульсацией в висках, меня бросило в холодный пот и вырвало.

Отдышавшись и успокоившись, я аккуратно и медленно спустился по полуразрушенной лестнице и вышел на улицу. Стрелка все так же указывала на уже убитого гоблина, вернее, на его ошметки. Вокруг плиты уже прыгала охрана, названивая прорабу. «Мы тут разгромили пол-стройки, а охранники только сейчас зашевелились. Работники месяца!», — усмехнулся я. Подойдя к ней, я нехотя коснулся забрызганной кровью дубины, отчего та, вместе с телом гоблина, засияла ярким голубым пламенем и волнами маны перетекла в мою руку, наполняя её силой. Стрелка же, последний раз мигнув, исчезла, а где-то над головой раздался уже знакомый мне торжественный звон колокольчика.

Расслабленно выдохнув и отряхнувшись от пыли, я наконец отправился к метро.

Глава двенадцатая

Прокручивая в голове сцены недавней битвы с гоблином, погрузившись в раздумья, я быстро дошел до входа в метрополитен по солнечному второму плану. На некогда казавшейся пустынной площади теперь кишело просто немыслимое количество людей и существ. Благодаря пассивному умению «Взгляда» я мог видеть не только простых людей на первом плане, но и находящихся рядом со мной служащих смотрителей и даже полупрозрачных духов, к которым я побоялся подходить, а активированный «Взор» позволять видеть полуобразы людей и скрывающихся на третьем плане внеплановых существ.

Приближаясь к дверям, я обтекал прохожих людей, как рыба в воде, стараясь не сталкиваться с ними, но, уступая дорогу проходящему мимо существу, скорее напоминавшему прямоходящую лошадь, я оступился и не успел отойти от бегущей прямо на меня девушки. Ойкнув, я выставил руки вперед, пытаясь отгородиться от нее, но, к моему удивлению, она прошла сквозь меня без каких-либо препятствий, расплывшись легкой дымкой. У меня перехватило дыхание, я обернулся, а девушка, вновь собравшись в единое целое, продолжила движение, как ни в чем не бывало. Человек-конь, обернувшись на мой восклик, натурально заржал:

— И-го-го-го-го! Ты же на втором плане, люди не могут коснуться, увидеть или услышать тебя, пока ты сам не захочешь. — Постучав копытом по полу, он тряхнул гривой, развернулся и вошел в метро, проходя сквозь других людей. Я последовал за ним, все равно стараясь обходить их стороной.

Как ни крути, но перебороть себя чисто психологически достаточно тяжело: всякий раз при приближении человека я пытался отпрянуть в сторону или сделать шаг вбок. Пройдя к эскалаторам, я обратил внимание на дежурного, сидящего в будочке. Вместо привычной тетеньки, сидящей в ней, сейчас внутри находилась огромная зеленая орчиха с совершенно нелепой пилоткой на голове. Она, скаля жуткие клыки, вылезающие изо рта, зыркала по сторонам в поисках нарушителей спокойствия. Над её головой гордо красовалась надпись: «Хранитель подземелья, Ур. 23». Сдерживая смех, я устремился вниз по эскалатору, к поездам, и юркнул в закрывающиеся двери поезда, направляющегося в сторону моего дома.

Все спешили поскорее попасть домой после тяжелого

трудового дня, поэтому в вагон люди набились как сельди в бочку. Именно здесь я по достоинству оценил возможность проходить сквозь находящихся на низшем плане, потому как в противном случае, меня бы вжали в двери и размазали по стене тонким слоем. Я находился внутри какого-то студента и с интересом осматривал других пассажиров через его полупрозрачный затылок. Здесь было множество различных существ. В глаза мне сразу бросился стоящий напротив парнишка в зауженных джинсах, туго обтягивающих его худосочные ноги, в клетчатой рубашке под элегантной кожаной курткой; на его андрогинное лицо ниспадала длинная челка, закрывающая глаза, а на фоне выбритых висков красовалось проколотое в трех местах ухо, из которого торчали довольно внушительные кольца. Венчало его белокурую голову весьма точное описание: «Светлая Эльфийка, ур. 10».

Сидения были забиты полчищами самой настоящей нежити: зеленые, полуразложившиеся подгнивающие трупы с оторванными конечностями, отсутствующими глазами или челюстями, вооруженные разнообразным дрекольем, покачивались в такт движения поезда, и если бы не их тележки, сумки и повязанные платочки на голову, я бы никогда не узнал за их внешним видом самых обычных бабушек- старушек. Информация над их головами гласила: «Нежить, Ур. 20–40».

Среди всех прочих существ я рассмотрел полноватого мужчину с пышными усами в национальном баварском костюме, состоящем из кожаных в-три-четверти длины штанов, гетров, рубашки, жилета, сюртука и шляпы с перьями. Он стоял в другом конце вагона, оперевшись на стену и держал в одной руке кружку, а в другой — вполне себе баварскую сосиску. Он то и дело откусывал вновь отрастающую сосиску и отпивал из самостоятельно заполняющейся кружки пенное светлое пиво. Находился он в таких же условиях, как и я: на том же месте, где он преспокойно трапезничал, находились обычные люди, собирающиеся выходить на ближайшей остановке, поэтому своими внушительными телесами он заслонял двух небольших девушек. Заметив меня, он указал сосиской в моем направлении и, улыбнувшись до ушей, стал звать меня к себе, помахивая кружкой. Я сделал вид, что не заметил этого и отвел от него взгляд, но он стремительно направился ко мне. Подойдя вплотную, осушив залпом кружку и вытерев усы рукавом, он предусмотрительно запихнул сосиску в карман сюртука и попытался вытереть руку об штаны. Все так же приветливо улыбаясь, он протянул мне жирную руку:

— Гутн Абнд, кухмистер! — обратился он ко мне по-немецки. Его басок отлично гармонировал с его внешним видом. Видя недоумение на моем лице, он заговорил с жутким акцентом по-русски. — Эта па-немеццки «добрый ветчер» знатчица!

— И тебе доброго вечера, попутчик. А почему кухмистер? — спросил у него я, пытаясь аккуратно пожать его запачканную лапу.

— Так ты эта, себья ва-апще видьел? Зачьем тебье тогда кухмистерский колпа-ак? — Он вопросительно наклонил голову, шевеля своими белыми усищами.

Я посмотрел на свое отражение в окне вагона и чуть не подпрыгнул от удивления. Меня осенило: ведь до сих пор даже я не задумывался о том, какой полуобраз мне выдали при посвящении. В целом, внешний вид мой мало чем отличался от обычного: водонепроницаемые теплые ботинки, черные лыжные штаны, не менее черная плотная куртка с капюшоном, за спиной спортивный рюкзак, и как бельмо на глазу на фоне исключительно черного гардероба на моей голове красовался белоснежный поварской колпак!

— Какого ху… КУХМИСТЕРА?! — Вскрикнул я, не веря своим глазам. — Повар!? Это что еще за шутки?!

Мой новоиспеченный знакомый, схватившись свободной рукой за болтающийся от смеха живот, и прижав к нему кружку, чтобы не расплескать напиток, раскатисто захохотал, а затем, успокоившись, спросил:

— Так ты эта, не знал, что льи, какой тебье дальи полуобраз?

— Я и не задумывался об этом, то работал, то с интерфейсом разбирался, то от неадекватного гоблина спасался. Некогда было себя разглядывать. — Попытался обьяснить я. — А ты-то сам почему в немецкой одежде? И что с твоим акцентом?

— Так эта, я пиво отчень люблью! По всьему миру разъезжа-ал, всье пиво попробовал! А как в смотритьели посвяти-или, так немцем сдела-али пива налили, есче и закусь дали! — Радостно рассмеявшись, он стал отплясывать высоко поднимая колени, от чего вагон довольно сильно затрясся из стороны в сторону, чем вызвал довольно сильное волнение среди пассажиров.

— Тихо, тихо, хватит скакать, как горный козел! Сейчас поезд с рельс сойдет! Ты что вытворяешь-то? — стал успокаивать взбесившуюся тушу я, думая про себя: «с таким лишним весом вообще бегать-то опасно, не говоря уже о танцах!».

— Так эта, у всьех полуобразов, закрепленных за чьеловеком, есть поботчные эффекты! Я вот танцульки та-анцую, когда счастли-ив! — Пояснил он, перестав раскачивать вагон.

— Как же славно, что у меня такого нет. Или я их за собой еще не заметил… Хотя колпак мне очень не нравится. Сойдет за побочный эффект? — Усмехнулся я.

— Вполнье! — Согласился со мной он, дружелюбно улыбаясь.

— А какой у тебя класс? — Поинтересовался я у него, — а то информация о тебе гласит лишь, что ты «Бюргер, ур. 15»

— Так эта, я — Кригер, па-немеццки «воин» знатчица. А у тьебя?

— А я и не знаю, что значит мой класс. Называется он Архимагирус. Я думал, это как-то связано с Архимагом, но мне не дали никаких заклинаний.

Он в очередной раз расхохотался и чуть не облил меня пивом из кружки. Я отскочил в сторону, пройдя сквозь мирно читающую книжку девушку.

— Так эта, Архимагир — эта па-гретчески шеф-повар значитца, не знал, что льи?

— Нет, ну этому издевательству нет предела! Сначала сковорода, затем колпак, а теперь еще выясняется, что мой класс — шеф-повар?! — Я покраснел от ярости и постучал сковородой по раскрытой ладони — Я им покажу Кузькину Мать!

— Сме-ешной ты паре-ень! — Сказал он, по-дружески приобняв меня за плечо. — Аа дава-ай дружить! Я — Дирк, па-немеццки «король наций» значицца!

На периферии зрения мигнуло окошечко с оповещением: «Дирк добавлен в список друзей»

— А я — Арт. — скромно ответил я, смутившись от такого панибратства. Да и перегаром от него неслабо так разило, вперемешку с запахом копченой баварской сосиски. Так что я отстранился от него и взглянул в окно. За разговорами я даже не успел заметить, как вагон опустел и мы подъехали к моей остановке. — Мне уже сходить пора, ты выходишь?

— Так эта, мне да-альше ехать! Пока, Арт, до встрьечи! — Он помахал мне рукой и одним глотком осушил кружку пива.

Распрощавшись со своим странноватым попутчиком, я покинул метро и двинулся в сторону дома.

Глава тринадцатая

Путь мой по обыкновению пролегал через большой проспект, затем сквозь пару витиеватых улочек и оканчивался в небольшом тихом дворе с детской площадкой, где я и столкнулся с ним.

Я уже не то что не надеялся на спокойный уютный вечер, но и вовсе рассчитывал хотя бы без эксцессов добраться до своей мягкой постели. Но и тут мои ожидания вдребезги разлетелись на тысячи осколков о суровую реальность.

Перед моим подъездом на лавочке со скучающим видом сидел Рухма, положив кейс на колени. Но так казалось лишь на первый взгляд. На деле же вид его был взволнованным и довольно нервным. Он, озираясь, глядел по сторонам, кого-то выискивая. «Кого-то. Ха-ха! Тут и к гадалке не ходи, понятно, что ищет он меня» — промелькнула у меня в голове мысль. Как только я его приметил, тут же остановился и хотел было развернуться, но он, бросив взгляд в мою сторону, ни чуть не сменил выражения своего ни на секунду не замирающего лица, и даже светящимся глазом не повёл, лишь спокойным и будничным тоном тихо произнёс: «Проходи спокойно, будто меня здесь нет.»

Дважды мне повторять не надо, тем более, что встречи с ним я хотел бы и вовсе избежать. Я, изображая самый спокойный вид, продефилировал мимо него, магнитным ключом открыл дверь в подъезд, и только было хотел сделать шаг внутрь, как меня сбил с ног пулей пролетевший мимо и шмыгнувший в дверь внушительных размеров пёс. Я стал подниматься, опираясь на руки, но меня вновь откинуло к земле волной от пролетевшего вслед за ним расплывчатого силуэта Рухмы.

Моих ушей на фоне просвистевшего ветра коснулся его крик: «запри дверь!»

Я быстро поднялся, на этот раз удачно, и прыгнул в закрывающуюся дверь. Она щелкнула за моей спиной, и в звенящей тишине спокойного дома не осталось больше никаких звуков. Я осторожно поднялся по ступеням вверх, выглядывая хоть какое-нибудь движение на верхних этажах, но попытки мои оказались тщетными. Я продолжил движение, пока на шестом этаже не увидел Рухму, который захватом держал прижатого к земле огромного пса, размером чуть не достигающим его собственного. Пёс извивался под весом своего оппонента, пытался его укусить или скинуть с себя, но сдвинуть его не мог. Находились они под каким-то синеватым куполом, который не пропускал звуков изнутри. Рухма, увидев меня, головой кивнул в сторону собаки, призывая помочь. Я шагнул в купол, проходя

сквозь тонкую пелену сферы словно через кисель, и чуть не оглох от разъярённого рыка скрученного пса.

— Быстро жахни ему по голове сковородой! — выкрикнул Рухма, рукой стараясь придавить хлопающую челюсть собаки.

— Чего?! Я на это не подписывался, да пошёл ты в ж… — *Р-р-р!! ГАВ!!* пёс все не успокаивался и норовил прикусить руку укротителя, — … живодер! Сперва на меня бросаешься, теперь шаурмы захотел? Так не обязательно самому ловить для этого собак, все это уже сделали до нас. — скрестив руки на груди, съязвил я, наблюдая за действиями не вполне адекватного смотрителя.

— Ты не понял! Это демон! — Попытался объяснить он — Ай! Бл… *Хрум!*

Пёс, выгнув шею, все же дотянулся до руки сдерживающего его Рухмы и сомкнул челюсть на его кисти, оставив заметные следы от острых клыков. От боли он вскрикнул и ослабил хватку, пес же, воспользовавшись моментом, резко вскочил на задние лапы, замер в неестественной позе и с протяжным воем стал превращаться. Его передние конечности вытянулись, вздулись и ощетинились острой, словно иголки, шкурой; лапы удлинились и сформировались в человеческие кисти с непомерно длинными бритвенно-острыми когтями, задние же конечности оформились в жилистые и мощные ноги. Присев на корточки, уперевшись передними теперь уже руками в пол, он облизнулся, снимая с морды языком капли крови, брызнувшие из прокушенной руки. Над его головой высветилась информация: «Вервольф, Ур. 20»

Сам Рухма в свою очередь тоже начал метаморфозы. Его привычный смокинг сменился на присущий ковбою прикид: остроносые коричневые сапоги, кожаные штаны с подтяжками, на ремне которых висел револьвер. Его образ гармонично дополняла белая рубашка, чёрная жилетка со значком «шериф», платок на шее и широкополая шляпа, закрывающая половину лица. На самом же лице закрепилась лёгкая небритость, а в уголке рта — зубочистка, для пафоса. В руке он держал лассо, которое уже вовсю начал раскручивать. Один я стоял со сковородкой в руке, да ещё и с колпаком на голове, как болван, и с восторгом наблюдал за преображением остальных участников грядущего сражения.

Битва началась внезапно, на скорости, превосходящей любые мыслимые пределы. Лассо устремилось к оборотню, но тот, оттолкнувшись от пола всеми четырьмя конечностями, прыгнул вперёд и нанёс удар когтями по диагонали сверху вниз. Однако Рухма не стоял на месте, и, словно растворившись в воздухе, уже находился сбоку от оборотня и наставил на его голову револьвер.

Раздался выстрел, но в этот же момент оборотень лапой ударил по пистолету, от чего тот вылетел из рук и проскользил по полу к моим ногам. Два изумленных взгляда, следуя за оружием, скрестились на мне. Я, не желая участвовать в сражении, оставался на расстоянии, но такое внимание к моей скромной персоне побудило меня к действиям. Я подхватил пистолет и незамедлительно выстрелил в уставившегося на меня оборотня. К сожалению, стреляю я не очень хорошо, поэтому пуля прошла над его плечом и угодила в многострадальную руку Рухмы, стоящим позади него. Он вскрикнул от боли и выронил лассо, схватившись за прострелянную руку. Оборотень, пригнувшись от выстрела, опешил, чем я и решил воспользоваться. Я подлетел к нему и ударил в висок ребром сковороды. Он взвыл и закрыл голову руками, выставив их перед собой. Я обрушил на него град ударов, часть из которых все же прошли сквозь его защиту, а затем неожиданно пнул его в грудную клетку ногой, от чего он упал на пол, а Рухма тут же вырубил его ударом ноги в голову.

Он, сменив облик на свой обычный, выхватил из моих рук револьвер, поспешно поднял с пола валяющийся кейс, забросил оружие внутрь, и тут же преобразив его в ману, извлёк оттуда уже плотную канатную верёвку, которой начал сматывать поверженного врага. Находясь в бессознательном состоянии, поддерживать боевую форму пес больше не мог, поэтому он уменьшился в размере, сдувшись, как воздушный шарик, и лежал на полу, раскинув лапы в форме потрёпанной серой овчарки с куцым хвостом.

Скручивая задние лапы вместе, Рухма одной рукой пытался завязать узел, но у него это плохо получалось, кровь от пары довольно серьёзных ран стекала вниз по верёвке. Я, чувствуя стыд за свою оплошность, подошёл к нему и взялся вязать верёвку сам, а он, закатав рукав и оторвав кусок рубашки, принялся перевязывать раны.

— Почему ты пытаешься меня убить? — нарушил молчание вопросом Рухма.

— О чем ты?! — я недоуменно уставился на него, даже отвлекшись от навязывания узлов. — я стрелял в оборотня. Если бы я целился в тебя, мы бы сейчас не разговаривали.

— Но ведь это не первый раз. Ты напал на меня как только получил оружие. Ты и в правду социально опасен. — раздосадовано покачал головой он.

— Ты выставил меня посмешищем перед целой толпой людей, прилюдно высмеивал меня и издевался! Да я и представить себе не мог, что удар сковородой будет таким мощным. Я ведь даже не успел его испробовать, и всего лишь

легонько коснулся тебя ею. — апеллировал я, пытаясь обосновать свои действия. Даже уже заготовил целую тираду в свою защиту, ведь времени обмозговать этот эпизод было у меня предостаточно, но Рухма внезапно прервал меня, останавливающе подняв руку.

— Вот как… я не задумывался о том, что это может тебя задеть. Теперь я тебя понимаю. Знаешь, я никогда этого никому не рассказывал, но чувствую, что тебе можно доверять. — поняв, что рассказ будет долгим, я продолжил связывать пса- Почти год назад меня приняли в младшие смотрители. Волею судеб, моим наставником оказался мой злейший враг на сцене и в жизни, звали его Петькой, но это только в мире людей, здесь, во внеплановом департаменте его звали Велином. Мы играли с ним в театре, всегда соревновались за главные роли, и всегда во всем он был лучше меня. Я жутко ему завидовал. И вот однажды в театре один за одним при неизвестных обстоятельствах начали пропадать люди. Велин перенёс меня на второй план и оставил один на один с демоном, в бою с которым я чуть не погиб. Как он объяснил мне позже- это было «обрядом инициации». Он давно знал о внеплановом существе, живущем в кладовой театра, а так как ему нужен был помощник, он решил устроить проверку силой. Те, кто не одолели демона, были пожраны им, а я, победив, был посвящён в смотрители.

— И в отместку за смерть товарищей ты зарезал его? — уточнил я, закончив обматывать пса. Рухма подошёл к нему и попытался закинуть его на себя. Я приподнял тушу, помогая ему.

— Откуда ты знаешь об этом? — с нескрываемым интересом спросил меня он, окончательно взвалив себе на плечо собаку, как добытую на охоте дичь.

— У меня свои источники. — усмехнулся я, и мы двинулись вниз по лестнице. Рухма продолжил.

— Так или иначе, убийство было непредумышленным. Велин был отъявленным психом и для меня самого до сих пор остаётся загадкой, почему его не посадили, не разжаловали или не убили до меня. По его вине погибли сотни невинных людей, многих он довёл до самоубийства. Он издевался надо мной, даже избивал, за любые ошибки, любые огрехи. Моя жизнь превратилась в сущий кошмар: я каждый день был вынужден играть с ним в театре, а вечерами — выполнять вместе с ним поручения. И на очередном задании по вызволению человека со второго плана, когда он поднял руку на потерявшуюся маленькую девочку, которая, по его мнению, слишком громко рыдала, я попытался его остановить, но он стал вымещать злобу на мне. После нескольких полученных ударов я потерял над собой контроль… — мы

спустились на первый этаж, где я с грустью проводил взглядом дверь в спокойную и тихую квартиру, в которой нет ни оборотней, ни допельгангеров, ни прочих мифических существ, и прошёл к выходу, дабы проводить Рухму.

— Постой, я кажется понял. В гневе ты перестаёшь быть собой? Потому и на меня с мечом бросился? — я открыл входную дверь, пропуская его вперёд.

— Я же сказал: ты умный парень и все схватываешь на лету. Поэтому я и прошу тебя простить меня, я не хотел, чтобы все так вышло. — он остановился в дверях, глядя на меня с раскаянием на видоизменяющемся лице, в потускневших светящихся глазах читалась скрываемая боль.

— Все в порядке, не парься — с улыбкой ответил ему я. — Тебя проводить?

— Нет, спасибо, я справлюсь. Отдыхай, этот день для тебя был очень тяжёлым. Мира и Добра тебе! — ответил он и не оборачиваясь ушёл.

— Мира и Добра. — задумчиво ответил я вслед удаляющемуся смотрителю.

Я проводил его взглядом и с облегчением вздохнув зашел в квартиру, разделся и без сил рухнул на кровать.

Глава четырнадцатая

Проснулся я от какой-то возни у изголовья. Открыв один глаз, я увидел перед собой небольшого, размером чуть меньше ладони, красного бесенка, с рогами, копытами, крылышками и хвостом, стоящего на подушке. В своих миниатюрных ручонках он сжимал трезубец, которым оттеснял от моей головы такого же невеликого ангелочка с белоснежными крылышками и нимбом, венчающим его голову. Одет он был в белую тогу до пят, на ногах виднелись сандалии. Он вцепился руками в трезубец беса и пытался сдвинуть его с пути.

«Просто сон…», — подумал я и закрыл глаза, проваливаясь в дрёму. Однако, перешептывания и возня не прекратились, а, напротив, возобновились с новой силой.

Я подскочил на кровати, замахнулся материализованной сковородкой и уставился на то место, где находились незваные гости.

Увидев моё движение, они расцепились, и ангел с победным видом уселся на моей подушке, бес же, обиженно насупившись, отбросил трезубец, скрестил руки на груди, и уселся с ним рядом, отвернувшись от него вполоборота.

Я все так же сидел на кровати, застыв с оружием в руке, и с вопросительно поднятой бровью пялился на миниатюрных существ. Первым нарушил тишину ангелок, обращаясь ко мне:

— Опоздаешь ведь. Положь посуду и вали давай собираться. — звонким голосом безапелляционно скомандовал он.

— Да кому нужна эта работа? Ляг, полежи ещё пять минуточек, закрой глазки. — сладким, низким голосом перечил ему бесёнок.

— Ух, ё! Надо меньше пить! Вы кто?! — спросонья сиплым голосом спросил я.

— Прошу простить нам нашу бестактность. Я — Лулу — первым представился бесёнок, подпрыгнув с подушки и отвесив мне низкий поклон.

— Я — Роро. — представился вслед за ним и ангел, даже не думая подниматься с места.

— Да мне наплевать, кто из вас Руру, а кто Лоло! Вы, рвать Машу, кто такие?! — опустив затёкшую руку, но на всякий случай не испаряя сковороду, я попытался привести свой сонный организм в чувства, налаживая связь с внешним миром.

— Нет, я Роро, бестолочь! — запротестовал оскорбленный ангел.

— А я — Лулу! Легко запомнить. — вторил ему бес.

— Я так и сказал. Что вы делаете в моей кровати?

— Я вот сижу, например, он стоит, а ты в данный момент опаздываешь на работу — скучающим тоном ответил Роро.

— Нет это я стою, а он сидит! — гордо подняв подбородок возмутился Лулу.

Я устало потер лицо и тяжело вздохнул. Поняв, что вразумительного ответа от них не дождёшься, я взглянул на часы.

Будильник с вечера включить забыл, а время — ровно половина восьмого, должен признать, что парочка сработала в качестве будильника на ура. Очень удобно, если подумать, а то ведь мог и проспать. «Интересно, а их кормить и выгуливать не надо? А то можно оставить их себе в качестве домашних животных» — промелькнула у меня шальная мысль.

Я вскочил с кровати, наспех собрался, оделся и напоследок перед уходом взглянул на кровать, где все ещё находилась парочка мелких существ, которая по обыкновению бранилась из-за очередного пустяка.

— Я тебе говорю, левая сторона кровати гораздо удобнее этой твоей правой! — на повышенных тонах ангел втирал что-то бесу, пальцем указывая себе под ноги.

— Ты не разбираешься в удобствах, правая сторона — просто кладезь комфорта, поэтому он и спит на ней. — протестовал он, довольно улыбаясь, уперев руку в бок.

— Цирк да и только. Зато бесплатно! Сидите тут и никуда не уходите, с вами я позже разберусь. — уже уходя крикнул я парочке лилипутов на кровати.

«Интересно, и давно я разговариваю с маленькими человечками по утрам? Лечиться, срочно лечиться! Но если подумать, я ведь и раньше чувствовал их присутствие, но даже не подозревал, что они — не совсем плод моего воображения. То есть я и раньше имел связь с другими планами?», — размышлял я, спускаясь вниз по лестнице.

Каждое утро, в одно и то же время я встречал возвращающегося, по видимому, с ночной смены соседа с запоминающимся именем — Евгений Вольфович. Это был невысокий мужчина лет сорока, с довольно внушительной бородой и коренастым телом, по всем меркам его можно было назвать самым натуральным дворфом. Однако, сегодня, я его в привычном месте не обнаружил. Миновав несменное место встречи, я использовал умение «шаг», отчего пришлось закрыть руками лицо от ослепляющих лучей солнца, ударивших мне в глаза. Как приятно вырваться из-под вечно пасмурного неба под тёплое ласковое солнышко. В приподнятом настроении я

двинулся на работу. К своему удивлению, на метро до своей станции я добрался без происшествий.

Не смотря на довольно раннее утро, вокруг уже вовсю кипела жизнь: неустанно спешащие по делам горожане, шныряющие кто куда по воздуху и земле существа, к которым я уже потихоньку стал привыкать, бежали кто куда, создавая довольно сильную суету. Должен заметить, что без людей на втором плане было куда спокойнее. На выходе я краем глаза заметил до боли знакомую фигуру с перебинтованной рукой. С его появлением всегда связаны какие-то приключения, поэтому я застегнул куртку и подтянул лямки, чтобы не болтались, на случай, если вдруг опять придётся с кем-то сражаться или, хуже того, от кого-нибудь сматываться.

Я подошёл к нему, он опустил на землю кейс, пожал мне руку, и сразу, в лоб, заговорил:

— Мира и добра тебе, Арт.

— Мира и добра, Рухма. — ответил ему я, и ради приличия решил поинтересоваться его состоянием- Как твоя рука?

— Пуля пролетела насквозь, пройдя рядом с костью, а вот на кисти раны пришлось зашивать, клыки у Вервольфа были длинными и острыми. — спокойно ответил он, а затем немного посверлив взглядом свою перебинтованную кисть, продолжил, — нам срочно нужно проследовать в департамент для завершения поручений.

— Надо — так надо, время у меня пока ещё есть. Только сперва нужно зайти в магазин, пока не забыл.

— Зачем в магазин? — не понял Рухма.

— Задобрить источник информации, — заговорщически прошептав, улыбнулся я, — я тебя догоню.

Я, шагнув на первый план, сбегал в магазин за обещанной шоколадкой, и, вернувшись на второй, отправился вслед за Рухмой в плановый департамент.

Пройдя по знакомой улице, уверенно шагнув в заветную дверь гаража номер «1041», я очутился в длинном, уставленном свечами коридоре. Однако, сейчас в нем практически не было свободного места, что называется: яблоку негде упасть.

Пробираясь сквозь возмущенную толпу, я был вынужден прижиматься к разнообразным существам: сперва вляпался в какого-то антропоморфного желеобразного синего слизня, затем, перемазавшись в его липком секрете, при попытке пройти к дверям меня толкнули, и я впечатался в какую-то нелепую не в меру пушистую помесь слона с манулом. По самые уши облипнув его мехом, извиняясь, добрался-таки до деревянных резных ворот. Перед ними стояли две ожившие одинаковые на вид статуи

стражников в латах с алебардами в руках. Они преграждали путь всем прибывшим. Я, на ходу отряхиваясь от шерсти животного, пошёл к ним, намереваясь пройти. «Вряд ли уж Рухма стал бы звать меня в департамент, если бы вход в него был закрыт, так ведь?», — подумал я.

— Назови своё имя — вполне обычным голосом приказал мне один из стражников.

— Моё имя — Арт. — спокойно ответил я, безуспешно стряхивая с себя всё лишнее. Слизь была до ужаса липкой, и, отлипая от куртки, мех оставался на руках.

Стражники расступились, дверь без скрипа сама собой распахнулась передо мной, и под неодобрительный гомон оставшихся позади меня существ я зашёл в пустую залу.

Посреди неё за стойкой сидела знакомая мне шестирукая девушка и перебирала бесконечные бумажки, что-то подписывая, отмечая, пересчитывая. Я подошёл к ней и положил на стойку шоколадку.

— Привет! — сказал ей я, улыбнувшись, — Вот, как и обещал.

Она оторвала взгляд от бумаг, но руки её при этом ни на секунду не замедлили своего движения. Взглянув сперва на плитку, затем подняв глаза выше, она увидела меня и расплылась в лучезарной улыбке.

— Это мне? — мгновение — и плитка исчезла вслед за пролетающей мимо рукой. — спасибо тебе, как раз моя любимая! А ты чего это, маскируешься? Правильно, а то тебя тут все ищут.

— Ну да, конспирация превыше всего! — сказал я скривившись, и все так же безрезультатно пытаясь избавиться от налипшей шерсти. — погоди- погоди, меня все ищут? Все — это кто? И зачем? А, да, и что там за столпотворение на входе?

— Всех высших смотрителей собрали в кабинете, даже сам Дирк прибыл! Ты представляешь? Обсуждают резкий скачок выброса маны, я всех подробностей не знаю, но слышала, что было призвано и, что самое удивительное, уничтожено существо выше тридцатого уровня! А знаешь что самое смешное, все думают, что поручение выполнил ты. — затрещала без умолку девушка, из её щебетания я вычленил несколько важных деталей, которые тут же решил и уточнить.

— Дирк? Это немец такой, с пивком и с сосиской? — я изобразил его пританцовывания, от чего девушка залилась звонким смехом, наконец отпустив пресловутые бумажки. Но, ойкнув, тут же осеклась и замолкла, вернувшись к работе.

— Кхм-кхм! Арт! — меня окликнул Рухма, стоящий позади. Я оглянулся. Рядом с ним был уже знакомый мне полноватый немец в трахтене, который, схватившись за живот, задорно захохотал,

расплескивая на пол пиво из кружки. По правую руку от него стояла не менее знакомая мне Снежная Королева, которая пронзала меня ледяным взглядом своих холодных синих глаз, ярко выделяющихся на фоне белоснежной одежды. — мы ждали тебя, пойдём с нами.

— Извини, труба зовёт. — напоследок сказал я девушке и отправился к ожидающей меня троице. — всем доброго утречка, привет, Дирк.

— Гутн Морген, Арт! Йа думал, что ты менья не запомньишь, но вопрьеки моим ожидания-ам я накрепко вреза-ался в твою памьять. Йа Польщен! — Он вновь добродушно расхохотался, отчего я с облегчением выдохнул. Ну кто ж знал, что он — высший смотритель?

Девушка молча кивнула в ответ, не пошевелив ни единым мускулом на застывшем лице. Мы поднялись по знакомой лестнице и все вчетвером зашли в кабинет, где я проходил посвящение. В центре комнаты, на своём законном месте, по-прежнему висела голубая сфера, вращающаяся в воздухе.

Двери затворились, и из сферы раздался голос, прокатившийся раскатистым эхом по маленькой комнатушке:

— Мира и добра!

— Мира и добра. — хором ответили все смотрители.

— Арт, подойди ближе и коснись руками маны! — скомандовал голос. Все как в прошлый раз, только вот теперь здесь находились зрители. Очень надеюсь, что раздевать меня не станут.

Я сделал пару шагов вперёд и дотронулся до шара. Однако, на этот раз мана наоборот стала тонкими синими струями перетекать из моих рук, смешиваясь с мириадами таких же течений вокруг сферы. Шерсть, прилипшая к моей одежде, вспыхнула ярким пламенем и бесследно исчезла, отчистив куртку. Щекотливые ощущения от скользящих по руке волн маны прошли, и я смог опустить руку.

Сфера, придя в движение, засветилась сильнее, стала увеличиваться в размерах, вытягиваться, изменяя свою форму, становясь похожей на полотно киноэкрана. Сперва совсем размыто и тускло, а затем чётче и наведя резкость, на экране отображалась сцена моего сражения с гоблином, причём как бы со стороны, незримым наблюдателем: Вот я взбираюсь на гору хлама, затем преследую гоблина, вот он перевоплощается, втягивая в себя дым, теперь он преследует меня. «Весёлые догонялки наперегонки со смертью. Со стороны это смотрится куда комичнее, чем в жизни» — заметил я. Видео окончилось вместе со сценой поглощения мной маны гоблина. Я посмотрел

на остальных зрителей.

На беспристрастном лице Снежной Королевы сейчас читалось удивление, смешанное с тонкими нотками восторга; глаза Рухмы сияли ярче обычного, а из открытого рта Дирка выпал кусок недожёванной сосиски.

Глава пятнадцатая

Экран, созданный из маны, без особых спецэффектов и световой иллюминации с характерным звуком схлопнулся обратно в кружащуюся голубу сферу, дрейфующую в воздухе посреди комнаты.

— Круто! Хочу домой такой телевизор! — восторженно воскликнул я в звенящей напряжённой тишине. Каждый из моих компаньонов сейчас, по-видимому, обдумывал увиденное. Девушка нервно покусывала нижнюю губу, нахмурив брови, Дирк залпом выпил пару кружек подряд, даже не закусывая, а лицо Рухмы я прочитать не смог, оно в разы быстрее обычного сменялась с одного на другое.

— Ты правда совсем ничего не понял? — спросил меня Рухма и, не дожидаясь ответа, пояснил. — этот гоблин — лишь марионетка в чьих-то руках, и то, что он проводил обряд осквернения, говорит о том, что в наш мир попал очень опасный кукловод. Тебе несказанно повезло, что он не успел дочитать заклинание до конца, потому что в противном случае осквернённая мана породила бы на свет нечто похуже горного тролля.

— Другьими слова-ами ты оказался-а в нужно-ом месте в нужное время. — пояснил Дирк, опустошивший к этому моменту третью кружку. — Так эта, вы уже получьили награ-аду за поруче-ение?

— Нет, я даже не знал, что за поручения что-то полагается. Я думал, впитанная мана с поверженного врага — уже награда. — Удивился я, глаза мои загорелись, улыбка растянулась до ушей. — Награда — это всегда хорошо. Где получать? У кого? В каком эквиваленте? По курсу?

— Арт, коснись руками маны! — в ответ на мои вопросы изрёк властный торжественный голос, исходивший из сферы.

Я вновь подошёл к ней и протянул руку. Мышцы свело, она сама по себе сжалась в кулак, в котором материализовалась сковорода. Её окутало синим туманом, плотно оплетая ручку волнами энергии, которая, словно впитываясь, тут же в ней исчезала. На периферии зрения всплыло окошко, сообщающее о завершении поручения и приобретении новых навыков. Я сфокусировался на новой иконке, подписанной как «Адаптация, Ур. 1 (пассивный)», описание её гласило следующее: «Приспосабливает оружие смотрителя.»

Когда наглая сфера соизволила отпустить мою руку и вернуть мне над ней контроль, я испарил сковороду и только хотел было

вернуться к остальным, как Рухма, сделав шаг вперёд, остановил меня:

— Это ещё не всё. За поимку Вервольфа тебе так же полагается награда. Без тебя я бы не справился. Коснись маны вместе со мной- сказал он, протягивая руку к сфере. Я встал рядом с ним и тоже коснулся её.

Мана потекла по нашим конечностям, переплетаясь между ними; она то перетекала от Рухмы ко мне, то от меня — к нему. Двигаться не мог ни я, ни он. Пользуясь случаем, я решил поиздеваться над ним, дабы разбавить обстановку и отвлечься от довольно неприятных ощущений растекающейся по телу маны. С нарочитым возмущением я обратился к Рухме, находившемуся со мной в непосредственной близости:

— Эй! Убери от меня свои тентакли, грязный извращенец! — *Пффххх!* от смеха поперхнулся пивом стоящий позади нас Дирк. От Снежной Королевы я услышал лишь глубокий вздох. Краем глаза я заметил как Рухма покраснел от смущения, аки помидор.

На этот раз наградой стало активное умение «Воспламенение, Ур. 1», оно позволяло окутывать моё оружие огнём, добавляя урон и позволяя готовить в любом месте. На поддержание заклинания тратилось пять очков маны в час. Если судить по интерфейсу, то при вызове оружия я трачу 1 очко маны, что еле заметно сказывается на отображаемом запасе, значит, несколько часов поддерживать горение я точно смогу. Кстати, я даже не задумывался о том, почему моя сковорода больше не горела при повторном вызове. Ведь когда я увидел её впервые, дно пылало огнём.

— Снова две формы для преображения. — раздосадовано подытожил Рухма, поворачиваясь к остальным. — А что получил ты, Арт?

— Пассивный навык «Адаптация», и возможность поджигать сковороду, — спокойно ответил я. — кстати, что этот навык даёт, никто не знает?

Ответом мне было продолжительное молчание и недоуменное покачивание головами. «Что ж, придётся разбираться по ходу дела. Все как я люблю!» — заключил я.

Рухма, взглянув на часы на запястье, объявил:

— Время у нас в запасе ещё есть. Арт, я проверил информацию о внеплановом существе, о котором ты мне рассказывал. С её появлением связан сильный скачок магической энергии даже на втором плане. Есть вероятность, что она как-то связана с этим кукловодом, ты сможешь помочь нам её разыскать? — обратился ко мне с просьбой Рухма.

— Я помню станцию, на которой ей нужно было выйти, но это ведь в центре города, найти там даже такую яркую и броскую мадаму — все равно что иголку в стоге сена. — попытался вразумить их я, — Нет, я, конечно, не против помочь, тем более, что с ней у меня личные счеты, но сделать это будет тяжело, если вообще возможно, совершенно не факт, что она окажется там же.

— Не переживай, в этом нам поможет Дирк, самое главное, что ты имел с ней контакт. — ответил Рухма, ехидненько улыбаясь.

— Между нами ничего не было! Она не в моем вкусе! — возмутился я, но тут же осекся. — Стоп, ты какой конкретно контакт подразумевал?

— Зрительный, разумеется. А ещё меня называет грязным извращенцем! — запричитал он.

Звонкий хлопок от соприкосновения руки со лбом тяжело вздохнувшей Снежной Королевы прервал нашу полемику.

— Да, ты права. Нельзя терять время. Кстати, раз нам предстоит отправиться вместе, вас стоит познакомить. — Рухма указал рукой на девушку — Арт, это Изольда, смотритель трёх планов, надеюсь, вы поладите.

Девушка бросила на меня скептический, полный презрения взгляд и закатила глаза.

На периферии зрения мигнуло окошечко с оповещением: «Изольда добавлена в список друзей»

— Не сомневайся, мы уже почти лучшие друзья — с улыбкой ответил ему я. — ну что, отправляемся?

Двери покорно отворились, и мы покинули кабинет. Существ уже пропустили внутрь департамента, поэтому по коридору пришлось пробираться сквозь толпу. Я старался держаться подальше от любых излишне липких, пушистых или рогатых-когтистых существ, во избежание казусов. Дойдя до стенда с поручениями, Дирк остановил нас и, изучив весь список висящих пергаментов, выбрал одно, которого попросил коснуться всех нас. Как только я дотронулся до листа, перед

глазами появилась стрелка направления, а так же всплыло изображение уродливого существа, отдаленного напоминающего гарпию, но с головой кабана. Сама гарпия была нагой, лишь небольшой участок паха был прикрыт перышками. В глаза бросались жуткие клыки на уродливом рыле, страшные когти на руках, размашистые крылья, а самой важной отличительной чертой существа был его вырвиглазный розовый цвет.

Глава шестнадцатая

— Всем здрасте! — отвлёк меня от изображения гарпии тоненький голосок из-за спины, сразу показавшийся мне знакомым. Я обернулся, а девчушка тем временем продолжила, — представляете, меня опять пускать в департамент не хотели, сказали, что без сопровождения взрослых нельзя! Когда вы уже объясните этим дуболомам на входе, что я вообще-то тут работаю? Или в конце концов выдайте мне удостоверение!

Я узнал ту самую девушку — друида, что залечила мои раны, полученные в схватке с Рухмой. Она стояла, скрестив миниатюрные ручки на груди, и от возмущения топала ножкой по полу. На её детском личике читалось недовольство, придававшее ей ещё большее очарование.

Изольда, стоявшая к ней ближе всех, подошла и без слов обняла, прижав к себе как плюшевую игрушку. Девчушка попыталась вырваться из цепких объятий, но попытки её оказались тщетными. Под задорный смех Дирка, наблюдавшим за этой картиной, девушка смягчилась и гнев её сменился на милость. Улыбнувшись, она обняла девушку в ответ, и только после этого Изольда разжала хватку, вызволив друида на волю.

— Гутн Морген, — успокоившись, поздоровался Дирк.

— Мира и добра! — поприветствовал её Рухма. — Арт, знакомься, это Аля, смотритель третьего плана и наш лучший лекарь.

— Да, я уже успел убедиться в этом, — улыбнулся я девушке, — приятно познакомиться!

— И я рада знакомству, — смущённо опустив взгляд, ответила она. — Так, что я пропустила?

Вкратце посвятив девушку в подробности, мы всей компанией покинули департамент и отправились разыскивать розовую бестию. Даже с помощью стрелки в моем интерфейсе определить местоположение цели на большом расстоянии с высокой точностью невозможно, сейчас она лишь указывала на юг, к центру города, куда мы и направились, решив начать свои поиски со станции, на которой она должна была выйти вчера. Рухма, погрузившийся в свои размышления, быстро зашагал впереди остальных, смущенные девушки держались позади, тихонько шушукаясь, и только мы с Дирком шли в среднем темпе, беззаботно переговариваясь.

— Слушай, а как ты смог обнаружить нужное существо, ведь ты никогда не сталкивался с этой ведьмой? — поинтересовался я у Дирка, мерно поглощающего сосиску.

— Так эта, так же, как и ва-ашего Евгенйа Вольфвича! — исчерпывающе ответил он. На мой недоуменный взгляд он пояснил, — Стоит мнье коснуться человьека, как йа могу увидьеть всьех внеплановых сущьеств, с которымьи он обща-ался.

— А причём тут Евгений Вольф… — прервался я, сообразив, — Вервольф?!

— Именно! — кивнул он в ответ. — так эта, он демо-он, вселившийся в человьека и получьивший над его тело-ом полный контроль.

— И много таких одержимых? — в задумчивости поглаживая подбородок, спросил я.

— О-хо-хо! Лучше тебье и не знать, — отвертелся от вопроса он, залпом осушив кружку пива.

Тем временем мы дошли до метро и, спустившись, сели в вагон.

Добравшись до нужной остановки мы вышли на кишащий людьми проспект, где огромное количество разнообразных туристов группами разбредались кто куда, жители города спешили на работу, а существа на втором и третьем плане суетливо шмыгали над, между и вовсе сквозь обычных людей. Стрелка, подкорректировав своё направление, указала на местоположение искомого существа, окрасившись в зелёный, что означало приближение к цели. Находясь в давке, пробираясь сквозь полчища существ, которые шли плотными рядами не только по тротуарам, но так же заняли и всю проезжую часть, мы двигались в указанном направлении, пока наконец не вышли на улицу поменьше, на которой количество людей и существ уже значительно снизилось, так, что мы смогли идти уже спокойно и по двое.

Я обратился к Дирку, который, словно младенца, прижимал к себе кружку пива.

— Откуда здесь вообще столько внеплановых существ, прям как людей?! — возмущённо воскликнул я.

— Рухма-а, лучшье ты ему расска-ажи. — ушёл он от ответа, прильнув к кружке. Рухма, поравнявшись со мной, принялся объяснять.

— Ты когда — нибудь слышал об ангелах- хранителях? — спросил меня Рухма. Хотя меня ли? Не делая паузы и не дождавшись ответа, он продолжил. — Люди так пытаются объяснить то, чего не могут понять. Это бесплотные духи, которых они сами и породили. Сильные всплески эмоций могут материализовавываться на втором плане в виде разнообразных существ. Самые страшные из них — порожденные тоской от одиночества или вспышками гнева, ведь они способны подчинить

своей воле отчаявшегося человека. Но в большинстве случаев духи безобидны и могут лишь косвенно влиять на нашу жизнь: направлять или подсказывать, а так же оберегать, если они преданы своему создателю.

- *Фууф* Значит, у меня нет шизофрении, и в моей кровати живёт всего лишь пара духов. — облегченно выдохнул я. — А они неопасны, или стоит их профилактически отрихтовать сковородкой?

— Пара сексуальных суккуб, небось? — ехидно усмехнувшись спросил меня он.

Я смутился и материализовал в руке сковороду, пригрозив ему ей.

Но он резко посерьезнел и жестом остановил всю шествующую колонну, призвав меня опустить сковороду.

— Вы чувствуете? — спросил полушепотом Рухма, напрягшись. Я принюхался, ничем не пахло.

— О чем ты? — спросила Аля, окинув взглядом пустынный переулок. Здесь была лишь пара заброшенных и неотреставрированных домов старого фонда, которые не сносят под предлогам сохранения исторической ценности. Правда, признаться честно, эти экземпляры ценности никакой не представляли, напротив, портили внешний вид, мешали постройкам новых жилых домов и служили кровом для разнообразных бродяг и беспризорников.

— Вы не ощущаете вибрации маны, исходящей из того здания? — он указал на дом, сплошь поросший строительными лесами, словно мхом. — Арт, куда указывает стрелка?

Только сейчас я обратил внимание на то, что стрелка развернулась и изменила свой цвет на тревожно-красный, и действительно, указывала она вниз, туда, где предположительно находился подвал.

Глава семнадцатая

Двери в здание были закрыты, что было несвойственным для второго плана. Безуспешно подергав дверь за ручку, я стал осматривать окна, среди которых одно было приоткрытым, а решётка на нем была отогнута. Это окно находилось на третьем этаже, примерно в метре от лесов, поэтому для того, чтобы туда попасть, нужно было либо взобраться сперва на них, а затем, рискуя свалиться вниз, тянуться к решётке, либо просто взлететь. Так как крыльями из нас никто не наделён, одному из нас пришлось карабкаться по шаткой прогнившей от времени деревянной конструкции, проникнуть в дом и открыть дверь изнутри. Девушки на каблуках хором выразили протест; Дирк, глядя на неустойчивую опору, задумчиво почесал живот, а Рухма, качая головой, мертвой хваткой вцепился в свой кейс и для убедительности сел на землю. Чертыхнувшись, я полез наверх, бранясь на бесполезную компанию. Добравшись до необходимого окна, я, осторожно держась одной рукой за раскачивающуюся решетку, шагнул с лесов на карниз, но, чуть не соскользнув, крепко вцепился в неё обоими руками, стараясь не свалиться, однако, тут же почувствовал под ногами довольно крепкую опору. Взглянув вниз, я увидел под собой ветви, подтянувшиеся ко мне от близстоящего дерева, у основания которого стояла Аля, приложив к нему ладони.

— Спасибо, — кивнул ей я, и пролез через решётку.

Я огляделся: в помещении было ужасно грязно: ободранные обои, осколки стекла на полу, рваные тряпки, а так же разбросанные тут и там кости создавали достаточно неуютную атмосферу и не предвещали ничего хорошего. Весь пол, а так же вся немногочисленная мебель, представляющая из себя пустой стол и покосившийся шкафчик без одной дверцы, была сплошь устлана вековой пылью. От окна к двери из комнаты шло довольно много разнообразных следов. Я, прислушиваясь к звукам, стал осторожно ступать шаг в шаг по уже имеющимся следам по тёмному коридору, чтобы выйти к лестнице. Во всем здании не было слышно никаких звуков, кроме поскрипывания старых половиц под каждым моим шагом. На ощупь спустившись на первый этаж, я толкнул дверь, и, к моему удивлению, она легко отварилась. Компания шагнула внутрь, впустив в дом немного солнечного света.

— Будьте бдительны и на всякий случай достаньте оружие. — Нервно шепнул им я, оглядывая озарённую светом парадную. Все стены были забрызганы кровью, всюду были видны следы бойни;

судя по царапинам на стенах и кровавому следу на ступенях, кого-то силой утягивали вниз по лестнице, ведущей в непроглядную тьму.

Дверь захлопнулась и вокруг вновь стало темно. В мою руку что-то вцепилось, и я, вскрикнув, замахнулся, на ходу материализовав оружие, мысленно ругаясь на отсутствие освещения. Но тут сковорода сама собой вспыхнула ярким пламенем, озарив все пространство ровным светом, и я увидел два невинных испуганных глаза Али, прижавшейся всем дрожавшим от страха телом к моей руке. Шумно выдохнув, я обратил внимание на сообщение, всплывшее на периферии зрения: «Адаптация оружия: факел».

Костюм Рухмы, вспыхнув синими искрами, стал медленно преображаться в полный латный доспех, голову покрыл шлем с забралом, скрывающим лицо, а из кейса, который подхватила Изольда и отворила перед ним, он извлёк короткий топорик и баклер. На мой недоумевающий взгляд, он постучал о щит кулаком, в котором сжимал топор, и бравым молодецким голосом объявил: «нет защиты лучше, чем старый добрый доспех!». С этими словами он, бряцая железом, зашагал вниз по ступеням, вслед за ним, неся в одной руке его кейс, последовала Изольда. Дирк, наспех залив в себя пиво, сунул сосиску в карман и грузно потопал вниз, стуча каблуками своих башмаков. Аля, не отступая от меня ни на шаг и не желая отпускать руки, нехотя пошла рядом.

Мы долго спускались по крутой лестнице вниз, стены с обычных бетонных со временем сменились на простую землю, которую подпирали шахтные крепи; ступени по мере спуска становились деревянными. Спустившись до самого низа, мы очутились в длинном тоннеле.

— Откуда здесь такие катакомбы? — шёпотом, прокатившимся эхом по длинному коридору, спросил я.

— На втором плане кроется очень много тайн, и далеко не все из них известны даже департаменту. — ответил мне Рухма.

— Хотя да, о чем это я, сам плановый департамент располагается в гараже. — съязвил я, стараясь разрядить угнетающую обстановку.

Оставив девушек на Дирка, замыкающего колонну, и возглавив шествие вместе с Рухмой, мы двигались по указаниям стрелки по узким и низким коридорам, петляя по запутанным лабиринтам, стараясь оглядывать и ощупывать стены и пол на предмет возможных ловушек. Но, к счастью, кроме вязкой земли под ногами, капающей с потолка воды, спертого воздуха и ползающих по стенам и потолку сороконожек, и прочих

представителей местной фауны пещера ничем не угрожала.

— Проклятый старый дом!.. — возмутился я, вновь провалившись по щиколотку в размокшую землю под ногами.

— …Мне больно видеть белый свет, мне лучше в полной темноте… — послышался тихий голос Али из-за спины.

— …я очень много- много лет мечтаю только о еде… — подхватил я с улыбкой на лице, забыв о хлюпающей грязи под ногами.

— … мне слишком тесно взаперти, и я мечтаю об одном…

— …скорей свободу обрести, прогрызть свой ветхий, старый дом.

Так, тихонечко напевая дуэтом очень уместную песню, мы миновали две развилки, три поворота, пока наконец не вышли к пещере, сплошь уставленной клетками, в которых сидели голые израненные люди.

Глава восемнадцатая

Мы укрылись за большим валуном, лежащим при входе, и осмотрелись:

Поросшая густым мхом давно заброшенная пещера была рукотворной. Её круглые, аккуратно отесанные стены были сплошь изрисованы сюжетами пыток, надругательствами над связанными людьми, разнообразными смертоубийствами, омовением в кровавых бассейнах, поеданием демонами частей тел и прочими вариантами весёлого времяпровождения, оставленными здесь создавшими её существами. Потолок был исписан озаряющими всю пещеру светящимися ярко-красным рунами и символами на неизвестном мне языке. В самой её середине, среди свечей, выставленных вокруг клеток, лицом к лицу с высокой статуей крылатого демона стояла гарпия. Она с истеричными нотками в голосе надрывно зачитывала заклинание с древнего фолианта, который держала в руках. Дым от свечей медленно окутывал людей, одного за другим, отчего те кричали и бились в агонии о прутья клеток.

— Нельзя дать ей дочитать заклинание! — тихонько шепнул Рухма, быстро раздав распоряжения, — Арт, на тебе клетки, вызволи оттуда людей! Дирк, на тебе скверна! Остальные знают что делать! Вперёд!

С этими словами он выбежал из-за камня и рванул к гарпии со всей своей черепашьей скоростью, ограниченной латным доспехом. Вслед за ним я пробежал к ближайшей клетке и спрятался за нее, стараясь не показываться гарпии на глаза. Девушки недоуменно переглянулись и осторожно выглянули из-за камня. От громкого бряцания доспехами гарпия обернулась. Увидев несущегося на неё Рухму, она резво взмыла в воздух, широко расправив крылья, не прекратив зачитывать заклинание. Изольда, выскочив из укрытия, выпустила в неё тугую струю воды, от которой та уклонилась, легонько взмахнув крылом. Рухма остановился и принялся сбивать ногами и тушить горящие свечи. Я же в свою очередь осмотрел клетку, в которой находился худой бородатый мужчина, судя по всему, нашедший кров в этом заброшенном доме. В его распахнутых глазах читался ужас, а на страдальческом осунувшемся лице — жуткие муки. Он тянул ко мне руки сквозь прутья решётки. Замка на клетке не было, я просто потянул дверцу на себя, и она податливо отворилась. Скептически подняв бровь, я оглядел открытую железную клетку, из которой, подорвавшись, выбежал мужчина, на ходу руками пытаясь развеять дым, окутавший ноги. Однако, его руки

беспрепятственно проходили сквозь него, не оказывая никакого влияния. Дирк, увидев освобождённого, подбежал ко мне, и, с сожалением глянув на кружку, с глубоким вздохом плеснул пиво на распространяющуюся скверну. Дым, угрожающе зашипев, развеялся, и мы с ним короткими перебежками перебрались к следующей клетке. Я, освободив пленного, которым оказался беспризорный лохматый мальчонка, мельком взглянул на положение дел. Увидев парящую под потолком свинорылую гарпию, которая без какого-либо труда уклонялась от струй воды, бьющих как из брандспойта из рук чародейки; с остервенением пинающего ни в чем неповинные свечи Рухму, который стоял ровно под ней, бессильно угрожая кулаком с пола; устало вздохнул, закатив глаза, в мыслях бранясь на бестолковых товарищей: «Ну почему мне достались такие остолопы?! Как этих дефективных вообще взяли в смотрители?!»

— Изольда! Используй ледяные осколочные заклинания! Аля, вся пещера поросла мхом! Рухма, банка ты консервная, беги сюда — крикнул я, перебегая от одной клетки к другой.

К сожалению, я был вынужден себя обнаружить, потому что в противном случае гарпия зачитывать заклинание не прекращала, не смотря на все тщетные попытки остальных смотрителей. Повернув голову ко мне, она захлопнула книгу и дико завизжала совсем нечеловеческим голосом:

— Ты-ы-ы!? — Даже на приличном расстоянии, разделяющем нас, я отчётливо увидел её расширившиеся глаза. — Нужно было убить тебе на месте, заносчивый мальчишка!

Она ринулась ко мне, опасно выставив вперёд одну руку с острыми длинными когтями. Во второй руке она держала фолиант, прижав его к груди. Едва добравшись до меня, она попыталась нанести удар, но я, прыгнув за клетку, ушел от него, и, мгновенно материализовав сковороду, с силой ударил по металлическим прутьям клетки. Звон от удара оглушительной волной прокатился по пещере, ошеломив стоящую рядом с ней гарпию. Закрывая уши ладонями, она потеряла бдительность, открывшись для удара сбоку, чем волшебница незамедлительно и воспользовалась. Она выпустила в неё целую батарею летящих сосулек. Большинство ледяных копий прошли вскользь, изрядно потрепав пёрышки на крыльях, но все же один ледяной осколок поразил цель, пронзив бедро. Гарпия, взвизгнув, бросилась в сторону Изольды, но тут в дело вступил подоспевший Рухма, который, с разбегу толкнув плечом сбоку, повалил её на землю. Тут же рубанув топором сверху, он едва успел закрыть живот щитом, в который незамедлительно, словно змея, выпадом устремилась когтистая лапа.

Топор оставил довольно глубокую рану на плече, от которой гарпия взвыла, и с силой ногами оттолкнула от себя Рухму, который, как пушинка, подлетел до самого потолка. Взмахнув крыльями, она вспорхнула с пола, отбросила фолиант, который, прокатившись по полу, остановился у подножия статуи, и выставив обе когтистые лапы вверх, устремилась к беспомощно падающему рыцарю. Примятый мох, находившийся на том месте, где мгновение назад лежала гарпия, пришёл в движение, и из почвы, в которой он произрастал, вслед за ней взметнулась пара мгновенно выросших лоз, ухвативших беглянку за босую ногу. Оплетаясь вокруг щиколотки, впиваясь в кожу колкими шипами, лозы остановили гарпию, которая, забыв обо всем, наклонилась, чтобы срезать навязчивое растение с ноги. Победоносно сорвав с себя путы, она подняла голову вверх, откуда с грацией наковальни, рухнул облачённый в латный доспех Рухма.

Мы с Дирком времени зря не теряли и уже сейчас освободили большую часть заключённых в клетки бродяг и беспризорных детей. Однако, те, до кого мы добрались только сейчас, уже по самую макушку были окутаны дымом, который Дирк чисто физически не успевал с них смывать.

Когда стих грохот и улеглась пыль от падения, из-под грузной туши раздался противный ехидных женский смех:

— Вы опоздали, жалкие букашки! — заливаясь смехом, вскрикнула гарпия, прижатая к полу потерявшим сознание Рухмой, — обряд уже не остановить!

Выкарабкавшись на локтях из-под нашего компаньона, не обращая внимания на кровоточащее плечо, пробитое бедро и сломанную ногу, из которой торчала кость, она начала вставать, но Аля незамедлительно оплела её тело лозами.

— Ин'шах уар, амн дель иб… — *Бам! Шмяк.* Гарпия, так и не успев подняться, оборвавшись на полуслове, замертво плюхнулась рылом в пол. Мох стремительно окрасился в алый цвет. Её пробитая насквозь голова была пригвождена сосулькой к полу.

— !%*&^# — Многозначительно изрекла Изольда и с беспристрастным лицом пройдя прямо по спине поверженного врага, опустилась перед Рухмой на корточки, перевернула его и приложила к его голове свою обледеневшую руку.

Окутанные дымом люди смолкли, на мгновение замерли, и дым, тонкими струями растекаясь по воздуху, отступая от них, собрался перед статуей, над раскрывшимся фолиантом, в центре пещеры, образуя воронку, напоминающую смерч.

Перепуганные мужчины, которых мы успели очистить от влияния скверны, в панике бросились наутёк, стараясь держаться

подальше от вихря.

Те же, кто сейчас находился в клетках, подозрительно спокойно встали, самостоятельно открыв двери, и вышли, направляясь к источнику тёмной энергии. Я, материализовав сковороду, подбежал к тому парнишке, которого сейчас пытался очистить Дирк, с ног до головы обливая одной кружкой пива за другой, и без разбору зарядил ему ребром сковороды в голову. Мои догадки оказались верны: невменяемое существо перестало быть человеком, и сейчас он вместе с остальными одержимыми, даже не смотря на то, что его голова вывернулась на 180 градусов назад, направился в сторону разрастающейся осквернённой воронки.

Глава девятнадцатая

Смерч, все набирая обороты, подхватывал с пола валяющиеся тут и там свечи, которые от одного касания рассыпались на глазах и уносились вместе с ним. К нему стремительно приближались околдованные пленники.

— Нужно остановить их! Не дайте им коснуться дыма! — выкрикнул я, толкнув в грудь направляющегося к воронке парня с неестественно вывернутой головой. Он упал на землю, ударившись лицом о каменный пол, даже не пытаясь подставить руки, чтобы смягчить удар. Но это ни на секунду его не остановило. Не издав и звука, он поднялся и вновь упрямо пошёл вперёд, к вихрю.

Стараясь замедлить их движение, я, перебегая от одного к другому одержимому, которые словно зомби плелись к своей единственной цели, опрокидывал их на землю, изо всех сил бил сковородой по голове и ногам, но они, поднимаясь, вновь продолжали свой нескончаемый марш. Изольда, оставившая все так же лежащего на полу без сознания Рухму, сложив руки у губ в причудливом жесте, выдохнула ледяное дыхание, чем должна была бы и вовсе насмерть заморозить существ, ведь даже до меня, находившегося от неё на расстоянии в полпещеры, дошли пронизывающие до костей холодные порывы снежной бури. Но те, не обращая никакого внимания на внешние раздражители, стремительно шагали вперёд сквозь непроглядную пургу, разве что немного замедлившись. Аля, прижав руки к полу, выращивала мириады лоз, хватающих существ за руки, оплетающих ноги, но те, срывая их с себя, словно паутину, налипшую к одежде, маленькими шажками неустанно двигались к проклятой воронке. Дирк, толкаясь своим шарообразным животом, успешно оттеснял пятерых мальчишек, не пуская их вперёд. Однако, наши старания не оправдали надежд, и ситуация в корне изменилась, когда первого шагнувшего в вихрь пленника подхватило потоком скверны, и он, развеявшись в прах, исчез в нём, словно в водоворот утекая в раскрытую книгу, отчего рунная вязь на его страницах засияла кроваво-красным цветом. Вихрь, неистово засвистев потоками ветра, стал расширяться, а из фолианта раздался гомерический хохот, эхом прокатившийся по пещере:

— А-ха-ха-ха! Наконец-то портал открыт! Брунгильда, даруй мне свою плоть! — раздался громогласный приказ демона. Мы с Дирком делали робкие шаги, двигаясь от центра пещеры. — Что?.. Я не чувствую связи! Здесь смотрители! Покорные, взять их!

Казалось, что в марионетки, которые до этого с трудом передвигали конечностями, вдохнули жизнь. Глаза порабощенных людей вспыхнули алым пламенем, и они, повернув головы на нас, в одно мгновение бросились со всех сторон. Их движения были теперь гораздо резче прежнего и не уступали по скорости обычным людям. Они двигались на нас, стараясь ухватить цепкими руками. Мы медленно пятились назад, защищая лежащего без сознания Рухму. Даже с учётом того, что его латный доспех испарился, преобразившись обратно в смокинг, поднять и нести его на руках, уходя от погони в узком тоннеле было бы невозможным, поэтому я продолжил сдерживать натиск надвигающихся рабов.

— Аля, ты сможешь привести его в чувства? — крикнул я через плечо, нанося один удар сковородой за другим, стараясь оттеснить наступающих одержимых. Однако, это не приносило плодов, ведь на место выведенного из строя точным ударом по голове тут же вставали другие, тянущие свои загребущие руки.

— Я попробую! — крикнула она, и, склонившись над ним, принялась зачитывать заклинание.

Изольда обрушивала на неутомимых покорных глыбы льда, Дирк, наотмашь размахивая кружкой, обливал нечестивых существ пивом, от чего те, как от святой воды, покрывались волдырями, их плоть с шипением испарялась.

Стоило мне с сожалением подумать о том, что одноручное оружие в данной ситуации бесполезно, как перед глазами всплыло оповещение: «Адаптация оружия: двуручная сковорода».

Ручка мгновенно вытянулась, достигнув метра в длину, сама же сковорода, пропорционально увеличилась вместе с ней «Вот! Другое дело!» Я перехватил её двумя руками, и нанося размашистые удары сбоку, стал отгонять наступающих существ.

Тем временем, услышав, что произносимое заклинание за спиной стихло, я повернулся к Рухме, сидевшему на полу, который, держась за голову, недоуменно хлопал глазками, с интересом оглядывая окружающих его существ.

— Рухма! Что расселся?! Руки в ноги — и бежать! — крикнул я, ногой ударив в живот прорвавшегося сбоку покорного.

— ЧТО-О-О?! — Взревел демон, заточенный в фолианте, — РУХМА?!

— Велин?! — воскликнул он, услышав голос, доносившийся из осквернённого вихря.

Он вскочил на ноги и бросился к кейсу, который стоял у валуна. Его костюм, засветившись, тут же сменился на длинный серый плащ, чёрные брюки и сапоги, на голове появилась широкополая шляпа. Подняв кейс, он извлёк из него длинный

двуручный меч, рукояткой которому служил христианский крест. Он рывком метнулся в моем направлении, замахнувшись мечом. Я встал перед ним, держа двуручную сковороду наготове, приготовившись обороняться.

Он, молниеносно оказавшись рядом со мной, толкнул меня плечом, от чего я, не успев даже сгруппироваться, упал прямо в руки сцапавших меня существ. Не останавливаясь, он драпанул в сторону, где держали последний рубеж обороны Изольда с Дирком. Она повернулась к нему, расставив руки в стороны, преграждая путь, но он, оттолкнувшись от приомороженных к полу покорных, одним нечеловеческим прыжком перелетел через всю толпу в голов под тридцать, наступающих на нас. Приземлившись за их спинами, он тут же бросился вперёд и без тени сомнения вбежал в осквернённую воронку. Дирк, обдав существ пивом и ухватив меня за руку, выдернул из рук бродяг, и мы, раскидав их совместными усилиями стали пробираться к фолианту. В суматохе мы даже не задумались о том, что, отходя от выхода из пещеры, мы оставили тылы открытыми, отчего нас стали сжимать в кольцо. Я оглянулся, услышав женский крик. Алю схватили двое существ и стремительно потащили к воронке. Она хваталась за лозы, брыкалась и старательно отбивалась от мужчин, которые не смотря даже на укусы и впивающиеся в лица ногти не выпускали её из мертвой хватки. Я, пробиваясь сквозь неутомимых созданий, двинулся ей на помощь, но их было слишком много. Кольцо смыкалось, и мне не осталось ничего, кроме как, забыв о Дирке и Изольде, броситься к ней, оставив их в окружении.

— Держитесь и пробирайтесь к выходу! Мы вас догоним! — выкрикнул я, начав с силой раскручивать двуручную сковороду вокруг себя, устремившись к воронке. Прорвавшись мимо разлетающихся от ударов во все стороны одержимых, я кинулся к Але, которую уже вносили в вихрь.

Покорные, войдя в вихрь, испарились, а девушку стало утягивать в книгу. Я, подбежав к ней, ухватил её за руку, стараясь вытянуть из вихря, но мне не хватало сил. На периферии зрения выскочило оповещение: «удар в спину». Я не успел ни уклониться, ни пригнуться, как от толчка сзади я провалился в воронку скверны, утянувшую нас в непроглядную тьму.

Глава двадцатая

Находясь словно в невесомости, я проносился сквозь время и пространство. Не имея возможности пошевелиться, не ощущая температуры, не слыша звуков, не чувствуя никаких запахов, я мог лишь наблюдать за тем, как мимо меня проносятся расплывчатые кадры, силуэты и размытые цвета. Единственным, что удерживало мое сознание, заставляя двигаться вперёд, было стремление спасти и защитить девушку, что запала глубоко в душу.

— Аля! — услышал я свой собственный восклик, отчего мутная пелена, лопнув как мыльный пузырь, исчезла, а мир вокруг в один момент прояснился, словно обухом по голове ударив набором звуков, запахов, цветов и ощущений.

Я лежал на холодном полу, в глаза бил яркий свет, голова гудела, как с похмелья. Пошевелив руками, прислушиваясь к своим ощущениям, я почувствовал в своей руке ладонь девушки, лежавшей рядом. Усаживаясь на пол, стараясь проморгаться, я потихоньку приходил в чувства. Оглядевшись, я понял, что нахожусь в той же пещере, но сейчас она выглядела совершенно иначе: изрисованные стены не были покрыты поросшим мхом, на них повсеместно были закреплены скобами факела; ни клеток, ни статуи посреди пещеры не было, на её месте находился живописно украшенный драгоценными камнями трон, перед которым стоял не менее торжественный пьедестал, напоминающий алтарь. Почувствовав, что девушка сжала мою руку, я повернулся к ней и тут же рефлекторно выставил перед собой материализованную сковороду. *Дзынь!* — я едва успел отразить летящий в лицо осколок камня, обрушившийся с потолка. Подскочив с пола, я встал в боевую стойку, изрядно покачиваясь. Девушка поднялась вслед за мной и коснулась моего плеча, отчего по телу прокатилась тёплая волна энергии, вернувшая полное ощущение реальности.

Однако, реальной назвать картину, представшую перед глазами, язык у меня не повернётся. Под потолком, зависнув в воздухе, на неописуемой скорости обменивались ударами, то парируя, то контратакуя, то наступая, два размытых силуэта.

Один из них явно был Рухмой, таким же, как я его запомнил: в сером длинном плаще, с двуручным мечом, со свистом рассекающим воздух. Вторая фигура представляла из себя красного демона с широкими черными крыльями, как у летучей мыши, в руках он держал боевую косу, ловко орудуя которой, отбивал все атаки своего оппонента. Рухма, безустанно нанося

удары то сверху, то снизу, ни на секунду не останавливал наступления. Демон же, выбивая снопы искр из оружия, отражая каждый из стремительных выпадов, махая крыльями, отстранялся от него.

Все происходило слишком быстро, их неуловимые движения сопровождались лязгом металла и разъярёнными выкриками. Я попытался сосредоточить взгляд на их движениях, отчего на периферии зрения всплыло окошко интерфейса: «Активировать Взор, Ур. 1?».

Согласившись на услужливое предложение, я активировал умение, отчего движения перед глазами резко замедлились, будто кто-то остановил ускоренную перемотку на видеомагнитофоне.

Теперь я мог различить каждое действие, каждый взмах и удар, а так же проанализировать и найти слабые места. Разглядев демона с обезображенным лицом, я узнал ту самую статую, находящуюся в пещере. Он раз за разом выкрикивал заклинания на непонятном языке, что позволяло ему ускользать от неизбежно летящего в него меча.

Рухма неестественно перебирал ногами в воздухе, ища опору. Было видно, что не по своей воле он сражается под потолком. Его движения, хоть и были несколько затруднены, все равно представляли серьёзную угрозу для соперника. Внимательно изучая манеру ведения боя, я заметил, что демон, уходя из-под удара, чаще отлетает в сторону, чем отходит назад, словно описывая круг в воздухе. Приглядевшись, я увидел тонкую, почти неуловимую пелену, обрамляющую импровизированное поле боя зависших в воздухе существ. Она исходила от фолианта, лежащего в раскрытом виде на пьедестале в центре пещеры, который оказался виден лишь после активации умения. Но я был не первым, кто сообразил, что есть связь между фолиантами по обе стороны реальности. Моё сердце заколотилось, дыхание участилось, я рванул с места к алтарю, у которого уже стояла Аля, положившая на него сверху ладони. Их окутывала желтая дымка, поднимающаяся вверх по её рукам. Пространство перед ней, покрывшись рябью, засияло яркими всполохами света и разверзлось брешью, словно в зеркале отражая прорывающихся сквозь полчища покорных пару наших товарищей, оставшихся по ту сторону воронки.

— Скорее! — прокатался эхом по пещере голос девушки. — Запрыгивайте в портал!

Демон, пропустив над головой очередную атаку Рухмы, нанёс удар древком косы в живот, отчего тот несколько раз прокрутился в воздухе, и, воспользовавшись моментом, ринулся вниз, замахнувшись на лету косой, намереваясь, как минимум,

разрубить девушку напополам. К счастью, к этому моменту я уже подоспел к ней на выручку. На бегу оттолкнувшись от земли, я прыгнул наперерез демону, нанеся, как теннисист ракеткой, удар снизу вверх, плашмя зарядив ему сковородой по и так не самому привлекательному лицу.

«И'Шал декой намах!» — донёсся лукавый шепот до моих ушей, а изображение демона без следа исчезло, развеявшись дымкой от взмаха сковороды, прошедшей насквозь. Не успел я приземлиться на землю, как под заливистый демонический хохот меня отбросило ударом косы в противоположную сторону, несколько раз перекрутив в воздухе. Я крайне неудачно приземлился на разрезанный бок, по инерции прокатившись по каменному холодному полу, оставляя за собой кровавый след. Тело скрутило от боли, дыхание сперло, грудь сдавило; кроме писка в ушах и бешено колотящегося сердца в висках я не слышал ничего. К горлу подступила желчь, на языке чувствовался металлический привкус, я закашлялся кровью, давясь и задыхаясь от подступающей тошноты, из глаз покатились слезы. Я лежал на полу, схватившись за рану, жадно глотая воздух, как рыба, выброшенная на берег, стараясь остановить обильное кровотечение. На периферии зрения я заметил оповещение о критическом уроне в 326 ед., и постоянном периодическом уроне в 2 ед. в сек., который с каждой секундой уменьшал шкалу моего здоровья, стремительно приближаясь к нулю. Я закрыл глаза, подрагивая от окутывающего меня холода, ожидая неотвратимого конца. «Нееееет!» — донёсся до меня крик девушки, но я не в силах был даже открыть глаза, из которых градом катились слезы. Я проклинал себя за свою слабость, ненавидел себя за то, что так легко купился на иллюзию демона. А сейчас он добрался и до неё. Одна лишь мысль хаотично металась, эхом раздаваясь у меня в голове: «Неужели все кончено?..»

Конец первой книги